

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

ФТМ

Приключения Миши Полякова и его друзей

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

«ФТМ»

1956

Рыбаков А. Н.

Бронзовая птица / А. Н. Рыбаков — «ФТМ»,
1956 — (Приключения Миши Полякова и его друзей)

ISBN 978-5-457-07208-4

Герои Анатолия Рыбакова – обычные московские школьники. Наблюдательность и любопытство арбатских мальчишек Миши, Генки и Славки не дают им скучать, они предпочитают жизнь насыщенную и беспокойную. Загадка старинного кортика увлекает ребят в приключения, полные таинственных событий и опасностей.

ISBN 978-5-457-07208-4

© Рыбаков А. Н., 1956

© ФТМ, 1956

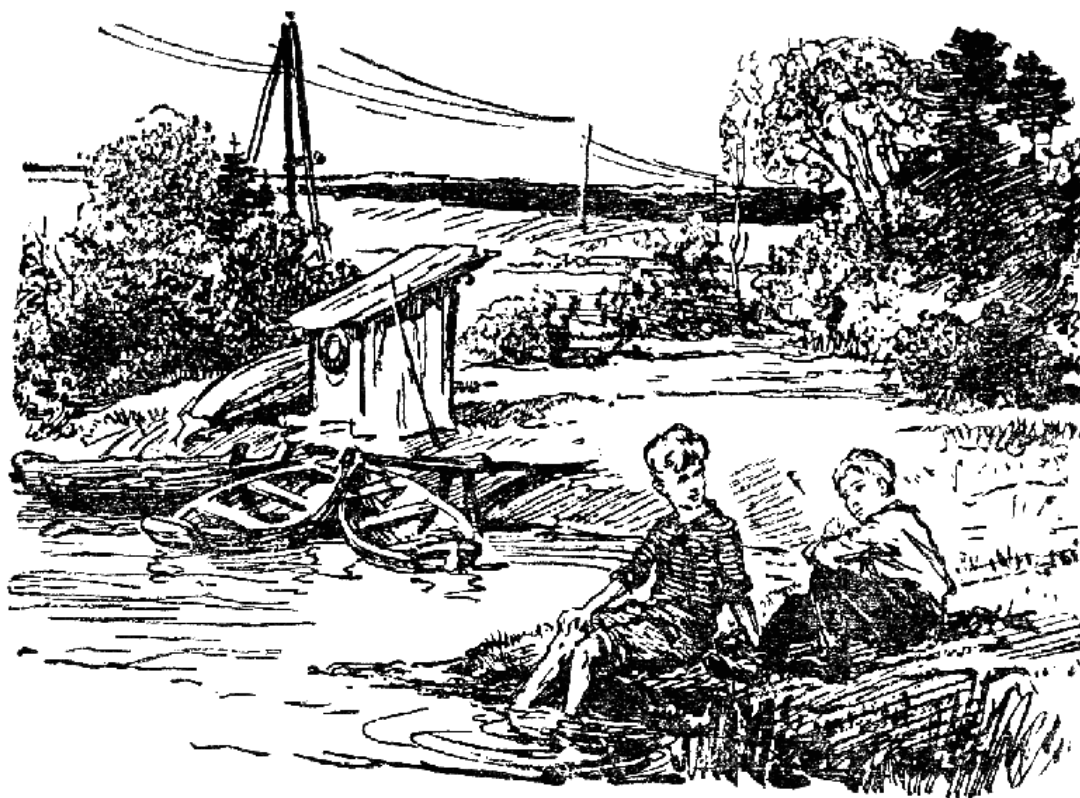
Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	36
Часть вторая	39
Глава 15	39
Глава 16	41
Глава 17	44
Глава 18	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

Часть первая Беглецы

Глава 1 Чрезвычайное происшествие

Генка и Славка сидели на берегу Утчи.

Штаны у Генки были закатаны выше колен, рукава полосатой тельняшки – выше локтей, рыжие волосы торчали в разные стороны. Он презрительно посматривал на крохотную будку лодочной станции и, болтая ногами в воде, говорил:

– Подумаешь, станция! Прицепили на курятник спасательный круг и вообразили, что станция!

Славка молчал. Его бледное, едва тронутое розоватым загаром лицо было задумчиво. Меланхолически жуя травинку, он размышлял о некоторых горестных происшествиях лагерной жизни...

И надо было всему случиться именно тогда, когда он, Славка, остался в лагере за старшего! Правда, вместе с Генкой. Но ведь Генке на все наплевать. Вот и сейчас он как ни в чем не бывало сидит и болтает ногами в воде.

Генка действительно болтал ногами и рассуждал про лодочную станцию:

– Станция! Три разбитые лоханки! Терпеть не могу, когда люди из себя что-то выстраивают! И нечего фасонить! Написали бы просто: «прокат лодок» – скромно, хорошо, по существу. А то «станция»!

– Не знаю, что мы Коле скажем, – вздохнул Славка.

– При чем тут мы? А если он будет выговаривать, то я ему прямо скажу: «Коля! Надо быть объективным. Никто тут не виноват. И вообще, в жизни без происшествий не бывает». – И он с философским видом добавил: – Да без них и жизнь была бы неинтересной.

– Без кого – без них?

– Без происшествий.

Вглядываясь в дорогу, идущую к железнодорожной станции, Славка сказал:

– Ты лишен чувства ответственности.

Генка презрительно покрутил в воздухе рукой:

– «Чувство», «ответственность»!.. Красивые слова... Фразеология... Каждый отвечает за себя. А я еще в Москве предупреждал: «Не надо брать в лагерь пионеров». Ведь предупреждал, правда? Не послушались.

– Нечего с тобой говорить, – равнодушно ответил Славка.

Некоторое время они сидели молча, Генка – болтая ногами в воде, Славка – жуя травинку.

Июльское солнце пекло неимоверно. В траве неумоимо стрекотал кузнечик. Речка, узкая и глубокая, прикрытая нависшими с берегов кустами, извивалась меж полей, прижималась к подножиям холмов, осторожно обходила деревни и пряталась в лесах, тихая, темная, студеная...

Из приютившейся под горой деревни ветер доносил отдаленные звуки сельской улицы. Но сама деревня казалась на этом расстоянии беспорядочным нагромождением железных, деревянных, соломенных крыш, утопающих в зелени садов. И только возле реки, у съезда к парому, чернела густая паутина тропинок.

Славка продолжал вглядываться в дорогу. Поезд из Москвы уже, наверно, пришел. Значит, сейчас Коля Севостьянов и Миша Поляков будут здесь... Славка вздохнул.

Генка усмехнулся:

– Вздыхаешь? Типично интеллигентские охи-вздохи!.. Эх, Славка, Славка! Сколько раз я тебе говорил...

Славка встал, приставил ладонь козырьком ко лбу:

– Идут!

Генка перестал болтать ногами и вылез на берег.

– Где? Гм!. Действительно, идут. Впереди – Миша. За ним... Нет, не Коля... Мальчишка какой-то... Коровин! Честное слово, Коровин, беспризорник бывший! И мешки тащат на плечах...

– Книжки, наверно...

Мальчишки вглядывались в маленькие фигурки, двигавшиеся по узкой полевой тропинке. И, хотя они были еще далеко, Генка зашептал:

– Только имей в виду, Славка, я сам объясню. Ты в разговор не вмешивайся, а то все испортишь. А я, будь здоров, я сумею... Тем более – Коля не приехал. А Миша что? Подумаешь! Помощник вожатого...

Но как ни храбрился Генка, ему стало не по себе. Предстояло неприятное объяснение.

Глава 2

Неприятное объяснение

Миша и Коровин опустили на землю мешки.

– Почему вы здесь? – спросил Миша.

Он был в синей кепке и кожаной куртке, которую не снимал даже летом – ведь в ней он выглядел заправским комсомольским активистом.

– Так просто. – Генка ощупал мешки: – Книги?

– Книги.

– А где Коля?

– Коля больше не приедет. Его мобилизовали во флот...

– Вот оно что... – протянул Генка. – А кого пришлют вместо него?

Миша медлил с ответом. Он снял кепку и пригладил свои черные волосы, которые частым смачиванием превратил из курчавых в гладкие.

– Кого же пришлют? – переспросил Генка.

Миша медлил с ответом потому, что вожатым отряда назначили его самого. И он не знал, как сообщить эту новость ребятам, чтобы они не подумали, что он задается, но и чтобы сразу признали его вожатым... Сложная задача – командовать товарищами, с которыми сидишь на одной парте. Но по дороге Миша придумал два спасительных словечка. Скромно, с подчеркнутым безразличием он сказал:

– *Пока* меня назначили.

«Пока» и было первым спасительным словом. Действительно, кто должен временно заменить вожатого, как не его помощник?

Но скромное и учтивое «пока» не произвело ожидаемого действия. Генка вытаращил глаза:

– Тебя? Но какой же авторитет мы будем иметь в деревне? Колю все уважали... И старики.

Тогда Миша произнес второе спасительное слово:

– Я отказывался, но *райком* утвердил. – И, почувствовав за собой авторитет райкома, строго спросил: – Как же вы бросили лагерь?

– Там Зина Круглова осталась, – поспешно ответил Генка.

Вот что значит спросить поостроже... А Славка и вовсе каким-то извиняющимся тоном начал:

– Видишь ли, Миша...

Но Генка перебил его:

– Ну как, Коровин, в гости к нам приехал?

– По делу, – ответил Коровин и шумно втянул носом воздух. Плотный, коренастый, он в форменной одежде трудколонииста выглядел совсем толстым и неуклюжим. Лицо его лоснилось от пота, и он все время отмахивался от мух.

– Раздобыл ты на колониистских хлебах, – заметил Генка.

– Кормят подходяще, – ответил простодушный Коровин.

– А по какому делу ты приехал?

Миша объяснил, что детдом, в котором живет Коровин, превращается в трудовую коммуну. И разместится трудкоммуна здесь, в усадьбе. Завтра сюда приедет директор. А Коровина вперед послали. Узнать, что к чему.

Из скромности Миша умолчал о том, что это, собственно говоря, его идея. Вчера он встретил Коровина на улице и узнал от него, что детдом ищет под Москвой место для трудовой коммуны. Миша объявил, что знает такое место. Их лагерь размещен в бывшей помещи-

чьей усадьбе Карагаево. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет. Отличное место. Ничего лучшего для коммуны не придумаешь... Коровин рассказал об этом своему директору. Директор велел ему ехать с Мишей, а сам обещал приехать на другой день.

Вот как было на самом деле. Но Миша не рассказал этого, чтобы ребята не подумали, что он хвастается. Он им только сообщил, что здесь будет трудкоммуна.

– Фью! – засвистел Генка. – Так и пустит их графиня в усадьбу!

Коровин вопросительно посмотрел на Мишу:

– Кто такая?

Размахивая руками, Генка начал объяснять:

– В усадьбе раньше жил помещик, граф Карагаев. После революции он удрал за границу. Все с собой увез, а дом, конечно, оставил. И тут живет теперь одна старуха, родственница графа или приживалка. В общем, мы ее зовем графиней. Она охраняет усадьбу. И никого туда не пускает. И вас не пустит.

Коровин опять втянул носом воздух, но уже с некоторым оттенком обиды:

– Как – не пустит? Ведь усадьба государственная.

Миша поспешил его успокоить:

– Вот именно. Правда, у графини есть охранный грамота на дом как на историческую ценность. Не то царица Елизавета здесь жила, не то Екатерина Вторая. И графиня всем тычет в нос этой грамотой. Но ты сам пойми: если будут пустовать все дома, в которых веселились цари и царицы, то где, спрашивается, народ будет жить? – И, считая вопрос исчерпанным, Миша сказал: – Пошли, ребята! Мы с Коровиным от самой станции мешки тащили. Теперь понесете вы.

Генка с готовностью ухватился за мешок. Но Слава, не двигаясь с места, сказал:

– Видишь ли, Миша... Вчера Игорь и Сева...

– Ах да, – перебил его Генка, опуская мешок, – я только хотел сказать, а Славка вперед вылез. Всегда ты, Славка, вперед лезешь!

Потом он заканючил:

– Понимаешь, какое дело, Миша... Такое, понимаешь, дело... Как бы тебе сказать...

Миша рассердился:

– Что ты тянешь? Тянет, тянет... «Как бы», «что бы»!

– Сейчас, сейчас... Так вот... Игорь и Сева убежали.

– Куда убежали?

– Фашистов бить.

– Каких фашистов?

– Итальянских.

– Глупости ты болтаешь!

– Почитай сам.

Генка протянул Мише записку. Она была очень короткой: «Ребята, до свиданья, мы уезжаем бить фашистов. Игорь, Сева».

Миша прочитал записку раз, потом другой, пожал плечами:

– Чепуха какая-то!.. Когда это случилось?

Генка начал путано объяснять:

– Вчера, то есть сегодня. Вчера они легли спать вместе со всеми, а утром просыпаемся – их нет. Только вот эта записка. Мне, правда, они еще вчера показались очень подозрительными. Вздумали ботинки чистить! Никакого праздника нет, а они вдруг ботинки чистить... Смешно...

И он неестественно засмеялся, приглашая Мишу тоже посмеяться над тем, что Игорь и Сева вздумали чистить ботинки.

Но Мише было не до смеха.

– Где вы их искали?

– Всюду. И в лесу, и в деревне...

– Может, они с жиганами связались? – сказал Коровин. – У нас как кто убежит – значит, ищи жигана поблизости. Он подбил. И обязательно в Крым бегут. Сейчас все в Крым бегут.

Миша махнул рукой.

– Какие здесь жиганы! Просто эти вот помощнички всех распустили. – И он смерил Генку и Славку взглядом, исполненным глубочайшего презрения.

– При чем здесь мы? – в один голос закричали Генка и Славка.

– При том! Раньше не бегали, вот при чем!

Генка прижал руки к груди:

– Честное благородное слово...

– Не нужно твоего благородного слова! – оборвал его Миша. – Пошли в лагерь!

Генка и Славка взвалили на плечи мешки. Мальчики двинулись к лагерю.

Глава 3

Усадьба

Тропинка, по которой шли мальчики, вилась полями.

Генка болтал без умолку. Но разговаривать он умел, только размахивая руками. Мешок с книгами как-то незаметно, сам собой переключался обратно на плечи Коровина.

– Если вам даже удастся перебороть графиню, – разглагольствовал Генка, – то все равно организовать здесь коммуны, наладить хозяйство будет очень трудно. Прямо скажем – невозможно. В усадьбе ничего нет. Только один дом. Инвентаря никакого. Ни живого, ни мертвого. Ни бороны, ни сохи, ни плуга, ни телеги. И думаешь, все крестьянам досталось? Ничего подобного. Кулаки растащили. Честное слово! Тут, брат Коровин, такие кулаки, каких, может быть, больше нигде и нет. Ты себе представить не можешь, что они вытворяют.

– А что?

– Ах ты, чудак! Ведь мы сюда приехали, чтобы организовать пионерский отряд. А все против нас. Во-первых, кулаки. Во-вторых, религия. В-третьих, несознательность родителей: не пускают ребят в отряд. Даем спектакль – битком набито. Объявим после спектакля собрание – все разбегаются.

– Дело известное, – глубокомысленно заметил Коровин.

– Вот именно, – подхватил Генка. – А сами ребята деревенские... Сколько у них предсудков! Только и рассуждают о леших и чертях. Поработай с ними!

– Трудно, значит?

– Нелегко, – сокрушенно подтвердил Генка. Но тут же хвастливо добавил: – Но мы ведь и потруднее дела делали. Раз должны организовать – значит, организуем. Вот книжечки им привезли, – он тронул рукой мешок, который за него тащил Коровин, – спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность. Увидишь: мы здесь самые первые организуем пионерский отряд. Правда, Миша?

Миша ничего не ответил. Он молча шагал по дороге и думал о том, как неудачно начинается его работа в качестве вожатого отряда. В первый же день пропали два пионера. Куда они делись? Без денег, без продуктов они далеко не убегут. Но мало ли что может случиться с ними в дороге. Могут и в лесу заблудиться, и в реке утонуть, и под поезд попасть... Такая неприятность!

Поставить в известность их родителей или нет? Пожалуй, не стоит. Зачем зря волновать? Ведь все равно беглецы найдутся. А родители всех взбудоражат. Подымут на ноги всю Москву. Неприятностей не оберешься. В школе, в райкоме только и будут говорить об этом происшествии. А в деревне уже, наверно, сплетничают, что пионеры разбегаются и, значит, не надо отдавать ребят в отряд. Вот что наделали Игорь и Сева... Подорвали авторитет отряда. Отряд целый месяц работал в таких трудных условиях, и на тебе!

Эти мрачные размышления прервал Генкин выкрик:

– А вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Перед ними, высоко на горе, в гуще деревьев, стоял двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Большая полукруглая веранда, огороженная барьером из белых каменных столбиков, разделяла дом на две равные части. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела широкая аллея, вначале ровная, земляная, затем в виде отлогих каменных ступеней, постепенно образующих каменную лестницу, двумя крыльями огибающую веранду.

Генка прищелкнул языком:

– Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

– Хозяйство – вот что важно.

– А хозяйства там никакого нет, – заверил его Генка.

Действительно, усадьба казалась заброшенной. Сад зарос. Скамейки вдоль аллеи были сломаны, большая гипсовая ваза на клумбе разбита, пруд затянулся ядовито-зеленой тиной. Все было мертво, безжизненно, мрачно.

И только когда мальчики углубились в сад, звонкие ребячьи голоса нарушили эту угнетающую тишину...

За сломанной оградой на лужайке белели палатки. Это и был лагерь. Ребята бежали навстречу мальчикам. Впереди – Зина Круглова. На своих толстых, коротких ногах она бегала быстрее всех.

Глава 4

Отряд

Собственно говоря, здесь был не весь отряд, а только пятнадцать ребят, самых старших. Из них девять комсомольцев. Остальные будут вступать в комсомол этой осенью. Но называли они себя отрядом – а как же еще?

Три палатки стояли под деревьями по окружности лужайки. В середине высилась мачта с развевающимся в воздухе вымпелом. В стороне горел костер. На двух треногах лежала палка, порядком обгоревшая. Возле костра хлопотали дежурные, варили обед. Сильно пахло подгоревшим молоком.

– Все в порядке, – быстрой скороговоркой докладывала Зина, – письмо краснофлотцам отправили, занятия в ликбезе вчера провели. Пришло восемь человек вместо двенадцати. А насчет Игоря и Севы они, – Зина кивнула на Генку и Славку, – наверно, уже тебе рассказали.

При упоминании об Игоре и Севе ребята загалдели. Всех перекричал Борька Баранов. Он совсем не рос, и его по-прежнему звали Бяшкой. Но он стал ужасным борцом за правду. Ему казалось, что если бы не он, Бяшка, то в мире воцарились бы ложь и несправедливость. И он громче всех закричал:

– Они убежали из-за Генки!

– Что ты врешь, Бяшка несчастная! – возмутился Генка.

Но Миша велел Бяшке рассказывать.

Как всегда, когда он боролся за правду, Бяшка начал очень торжественно:

– Я расскажу всю правду. Мне незачем прибавлять и выдумывать.

– Ближе к делу, – поторопил его Миша: Бяшкино предисловие могло затянуться на добрых полчаса.

– Так вот, – продолжал Бяшка, – когда мы легли спать, то начали разговаривать. Это было после спектакля «Смерть фашизму». Игорь и Сева сказали, что надо не спектакли ставить, а фашистов громить, чтобы не убивали коммунистов. Тогда Генка начал над ними смеяться: «Поезжайте, поезжайте бить фашистов, а мы посмотрим». Игорь разозлился и сказал: «Захотим – и поедem». Тогда Генка говорит: «Захотите, захотите!» Такой был разговор. А утром Генка проснулся и спрашивает: «Вы еще здесь? А я думал, что вы убежали фашистов бить». И потом каждое утро Генка как проснется, так и спрашивает их: «Вы сколько сегодня фашистов побили?» Так их задразнил, что они в конце концов и убежали. Вот как было. А врать мне незачем. Я никогда не вру.

– Генка, это правда? – спросил Миша.

– Правда, правда! – закричали ребята из Генкиного звена.

– Он все время дразнится! – проворчал Филя Китов, по прозвищу «Кит». Как и раньше, он любил поесть, всегда жевал что-нибудь и еще больше растолстел.

– Генка, это правда?

Генка пожал плечами:

– Какое это имеет отношение? Верно. Я их немного подразнил. Но для чего? Для того, чтобы они эту чепуху выбросили из головы. А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

– Ах, смешно! – закричал Миша.

Не в силах сдержать свое возмущение, он вдруг сорвал с головы кепку, бросил ее на землю, повернулся вокруг себя один раз, потом другой и, застыв на месте, уставился на Генку.

Пораженный Генка ошалело вытаращил глаза. Все ребята, остолбенев, смотрели на Мишу.

Миша вспомнил, что он теперь вожатый отряда и должен сдерживать себя. Он поднял кепку, натянул ее на голову.

– Ладно! Мы их сначала найдем, а потом разберемся, кто виноват. Быстро пообедайте, и начнем искать.

Генка сразу оживился:

– Правильно! Мы их враз найдем. Вот увидишь, Миша...

За обедом Миша опросил дежурных. Но они клялись, что ничего не видели. А ведь Игорь и Сева забрали все свои вещи, вплоть до кружек и ложек. И никто этого не заметил.

Конечно, они могли уехать домой. Но, прежде чем ехать за ними в Москву, надо как следует поискать здесь.

Наиболее вероятным местом, где могли спрятаться мальчики, представлялась Мише усадьба. Он пойдет туда сам вместе с Коровиным. А остальные ребята пусть прочешут лес.

– Прочешете лес, – сказал Миша. – Генка со своим звеном – со стороны деревни, звено Славки – от реки, звено Зины – из парка. Идите цепью и все время перекликайтесь. К семи часам возвращайтесь в лагерь.

Выстроив свои звенья, Генка, Славка и Зина побежали к ближнему лесу, каждый со своей стороны.

Миша и Коровин пошли в усадьбу.

В лагере остался только Кит. Он всегда охотно дежурил за других на кухне. Облизнув губы, Кит начал готовить ужин.

Глава 5

Помещичий дом и его обитатели

Чтобы не попасться на глаза «графине», Миша пошел не по главной аллее, а по боковой.

– Посмотрим сначала, дома ли хозяйка, – сказал он Коровину.

– Как ты узнаешь?

– Увидишь, – загадочно ответил Миша.

Продираясь сквозь кусты, они дошли до центральной аллеи и отогнули ветви деревьев.

Старый дом стоял прямо перед ними. Штукатурка на нем местами облупилась, оттуда торчали полосы дранки и клочья пакли. Разбитые стекла в окнах были заменены фанерой, обрезанной простой пилой, с неровными краями и кое-как прибитой. Иные окна и вовсе были заколочены досками, разными по размеру и толщине.

– Дома, – с досадой прошептал Миша.

В ответ на вопросительный взгляд Коровина Миша глазами показал ему на мезонин.

В нише, широко распластав крылья, стояла большая бронзовая птица с непомерно длинной шеей и загнутым книзу хищным клювом. Острыми когтями она цеплялась за толстый сук. Глаза, огромные, круглые, под длинными, как у человека, бровями, придавали птице странное и жуткое выражение.

– Видел?

– Видел, – прошептал Коровин, ошеломленный зловещим видом бронзового истукана.

– Орел.

Коровин с сомнением качнул головой:

– Какой же это орел? Видал я на Волге орлов.

– Орлы бывают разные, – зашептал Миша, – на Волге одни, здесь другие. Но не в этом дело. Посмотри внимательно. За птицей ставни? Они открыты, видишь?

– Вижу.

– Ну вот, раз ставни открыты – значит, графиня дома. Как только она уезжает в город, то закрывает ставни, а приезжает – открывает. Понял? Только имей в виду: это секрет, никому не рассказывай.

– А мне и ни к чему, – равнодушно ответил Коровин, – все равно мы дом отберем. Ребят двести можно разместить, а она одна живет. Разве правильно?

– Конечно, неправильно, – согласился Миша. – И забирайте усадьбу поскорее... Вот что! Поищем ребят в сараях. Может быть, они там спрятались. Сидят и посмеиваются над нами.

Прячась за кустами, мальчики обогнули дом, подошли к задней стене конюшни и через маленькое разбитое оконце проникли в нее.

Затхлый запах трухлявых бревен, сгнивших досок, старого навоза ударил им в нос. Перегородки между стойлами были разобраны; там, где лежали опорные бревна, чернели провалы земли. Мальчики вздрогнули: не замеченная ими стая воробьев поднялась и с шумом вылетела из конюшни. Осторожно ступая по разбитому деревянному полу, Миша и Коровин перебрались из конюшни в сарай.

Здесь было темнее. Окон не было, а ворота, снятые с петель, были прислонены к проему и не пропускали света.

Пахло мышами, прелой соломой, протухшей мучной пылью.

Миша ухватился за стропила, подтянулся и вскарабкался на сеновал. Затем помог подняться и неуклюжему Коровину. Сгнившее перекрытие подгибалось под ногами. Крыша изнутри была усеяна комками осиных гнезд. Сквозь прорехи крыши синело небо.

Друзья обошли сеновал, через слуховое окно перебрались в соседний сарай. Тех, кого они искали, не было. Впрочем, искал один Миша. Коровин пробовал крепость бревен, сокрушенно причмокивал губами в знак того, что все здесь очень старое.

Тем же путем мальчики спустились обратно. Теперь предстояло осмотреть сарай, который назывался машинным: раньше в нем хранился сельскохозяйственный инвентарь. Он стоял на отшибе. Чтобы попасть в него, надо было перебежать кусок площадки, прямо на виду у дома.

Миша уже собирался выскользнуть из сарая, как вдруг отпрянул назад, чуть не опрокинув стоявшего за ним Коровина. Коровин хотел посмотреть, что так взволновало приятеля. Но Миша крепко стиснул его руку и головой показал на дом.

На верхней ступеньке лестницы стояла высокая, худая старуха в черном платье и с черным платком на голове. Ее седая голова была опущена, лицо изборозжено длинными морщинами, острый крючковатый нос загнут книзу, как у птицы. Эта черная, неподвижная фигура казалась мрачной и зловещей в пустынном молчании заброшенной усадьбы.

Мальчики стояли не шевелясь.

Потом старуха повернулась, сделала несколько шагов, медленных, прямых, точно шла она, не сгибая колен, и исчезла за дверью.

– Видал? – прошептал Миша.

– Прямо сердце захолонуло, – тяжело отдуваясь, ответил Коровин.

Глава 6

Что делать дальше

Миша и Коровин вернулись в лагерь. Все были уже в сборе. В лесу тоже никого не нашли.

Огорченные неудачей, обеспокоенные судьбой пропавших товарищей, усталые и измученные, сели в этот вечер ребята за ужин. А тут еще Кит объявил, что продуктов осталось мало, едва хватит на завтрашний день.

– Не суди по собственному аппетиту, – заметил Генка.

– Можете сами проверить, – обиделся Кит. – Масла почти совсем нет. Сухарей тоже. Круп...

– Не волнуйся! – сказал Миша. – Завтра Генка и Бяшка поедут в Москву и привезут продукты.

Теперь обиделся Генка:

– Все Генка и Генка! Думаешь, приятно таскаться по такой жаре с мешками? Да еще выпрашивать у родителей продукты! Тех дома нет, те не приготовили. Клянчишь, клянчишь...

– Ничего не поделаешь, – сказал Миша. – Не будет же нас кормить государство. Ведь наше государство только восстанавливается. А родителям тоже трудно. В московских семьях размещено десять тысяч детей с Поволжья. Кроме того, каждый москвич отчисляет дневной заработок в пользу голодающих. Понимать надо! – Он многозначительно поднял вверх ложку. – И посылаю тебя потому, что у тебя есть опыт.

Запихивая в рот кашу, Генка самодовольно ухмыльнулся:

– Да, уж будь здоров! Привык я с ними разговаривать: «Ваш Юрочка поправляется. Аппетит зверский. Вчера отгрыз хвост у хозяйской овцы». Вот мне и дают... Эх, черт возьми, найти бы нам богатых шефов, вот бы подкормили! Какую-нибудь кондитерскую фабрику.

– Лучше бы колбасную, – вздохнул Кит и, представив себе, как шипит на сковородке жареная колбаса, зажмурил глаза от удовольствия.

Ребята кончили ужинать, но все еще сидели у костра. Дежурные мыли посуду. Кит, шевеля губами, пересчитывал кульки с мукой и ломти хлеба. Его толстое лицо выражало озабоченность, как и всегда, когда глаза видели, а руки ощупывали что-либо съестное. Генка и Бяшка готовили мешки и сумки для сбора продуктов. Вернее, готовил их Бяшка. Генка же давал ему руководящие указания, а сам в это время осматривал свой знаменитый портфель. Хотя и потрепанный, этот портфель был настоящий, кожаный, со множеством карманчиков и отделений и блестящими никелированными замками. Генка им очень гордился. Отправляясь в Москву за продуктами, он всегда брал его с собой. Генке казалось, что портфель производит большое впечатление на родителей. Чтобы усилить это впечатление, Генка, разговаривая, клал портфель на стол и с важным видом щелкал замками.

«Действует неотразимо, – говорил Генка про свой портфель. – Если бы не портфель, весь отряд давно бы помер с голоду».

А в то время как Генка упражнялся со своим портфелем, Генкин спутник должен был таскать мешок с продуктами.

– Вот что, Генка, – сказал Миша, – родителям Игоря и Севы ничего не говори, а постарайся дипломатично выяснить, не приезжали ли Игорь и Сева в Москву.

– Все выясню, не беспокойся.

– Только осторожно, а то разволнуешь родителей.

– Сказал: не беспокойся! Мамаши и не догадаются. Я спрошу так, между прочим.

– Как ты спросишь?

– Я даже не спрошу, а так это, безразлично скажу: ваш Игорь собирается приехать к вам...

– А зачем?

– Помыться в бане.

– Кто тебе поверит?

– Ага! Тогда я скажу так: он должен приехать в Москву за книгами.

– Это ничего.

– Ну вот, – продолжал Генка, – а если он в Москве, то мамаша скажет: «Ведь он уже дома». А я скажу: «Да? Удивительно! Значит, он меня опередил». Потом спрошу: «А где он?» Она скажет: «Играет на заднем дворе». Тогда я вежливо попрощаюсь, выйду на задний двор и закачу этому Игорю такую плюху, что он подпрыгнет до четвертого этажа.

– Дратся, пожалуй, не надо, – заметил Слава.

– Дратся, конечно, не надо, – согласился Миша, – но проучить их придется. Я сам бы поехал, но... – он презрительно посмотрел на Славку, – не на кого лагерь оставить. Пусть уж едут Генка и Бяшка.

Бяшка вдруг объявил:

– Я, конечно, поеду, но предупреждаю: если Генка заставит меня таскать мешок, а сам будет своим портфелем размахивать, то я все брошу и уеду! Вот! Прямо заявляю!

– Когда я заставлял тебя одного таскать?! – с негодованием возразил Генка.

– Всегда заставляешь! – закричали все, кто ездил с Генкой за продуктами.

– Спокойно! – сказал Миша. – Таскать будете одинаково. Только не проспите поезд. А мы завтра отправимся в деревню. Пора уже клуб закончить.

Некоторое время все сидели молча, усталые после забот и треволнений сегодняшнего дня.

Костер горел ярким пламенем. Сухие ветки трещали в огне. Искры взвивались в воздух и пропадали в темной вышине ночи.

– Тише! – прошептала вдруг Зина.

Все замолчали и обернулись к лесу.

Хрустнула ветка... Зашелестели листья деревьев, точно слабый ветерок пробежал по ним... Послышался чей-то вздох...

Миша сделал рукой знак всем сидеть на месте, поднялся и замер, вглядываясь в темный лес, прислушиваясь к странным звукам...

Неужели Игорь и Сева наконец вернулись?

Глава 7

Васька Жердяй

Но это были не Сева и не Игорь...

К костру подошел Васька Жердяй, высокий парнишка в белой рубаше и узких холщовых штанах, едва прикрывавших острые, худые колени. Прозвали его Жердям, потому что был он высок для своих лет, очень худ и тощ. Он жил с матерью и старшим братом Николаем на самом краю деревни, в полуразвалившейся избушке. Отец его погиб в германскую войну.

Жердяй больше других деревенских ребят дружил с комсомольцами. И они любили его. Он был добр, услужлив. Правда, верил в чертей и прочую ерунду, но зато знал хорошо лес, реку и очень интересно рассказывал всякие истории и небылицы. Старший брат Жердяя, Николай, был плотник и помогал ребятам устраивать клуб.

– Ты, Жердяй... – разочарованно протянул Миша.

– Я! – Жердяй присел к костру и дружелюбно улыбнулся.

В мелькающих тенях костра его большая голова с неровно подстриженными (видно, тупыми ножницами) белобрысыми космами казалась еще всклокоченнее, чем обычно. Он веточкой подгрел угли к костру и сказал:

– На деревне говорят, у вас два пионера пропали.

– Ерунда, – деланно безразличным голосом ответил Миша, – найдутся.

Жердяй с сомнением покачал головой:

– Не скажи... Если на Голыгинскую гать забредут, так могут и не вернуться.

Заинтересованные словами Жердяя, ребята теснее окружили костер.

– Что за гать такая? – спросила Зина.

– Гать-то? Дорога лесная.

– Гать – дорога из хвороста, а иногда из бревен. Строится обычно на болоте, – пояснил Славка.

– Верно, – подтвердил Жердяй, – из хвороста. И на болоте построена. Только давно. Ею никто и не пользуется.

Генка нетерпеливо спросил:

– Что ты хочешь рассказать про эту самую гать?

– Про Голыгинскую? А то, что если попали ваши ребята на Голыгинскую гать, так могут и не вернуться.

– Утонут? – спросила Зина Круглова.

Жердяй покачал головой:

– Утонуть не утонут, а увидят старого графа и помрут.

– Опять ты басни рассказываешь! – усмехнулся Генка. – Не надоело выдумывать?

– Не выдумываю я, – серьезно ответил Жердяй, – всё истинная правда. Старики рассказывают. Там граф с сыном закопаны. Прямо в гати. Царица приезжала сюда, давно, еще до Наполеона. Вот царица приехала и казнила графа с сыном. А хоронить не позволила. Велела прямо в грязь закопать, на гати, чтобы все по ним ездили. Так они там закопанные и лежат.

– А наши ребята здесь при чем? – спросил Миша.

– Вот слушай... Значит, старый граф с сыном там закопаны. Только не похоронены они как полагается, вот и томятся их души. Никак не попадут ни в рай, ни в ад.

– Ох, и умора! – закричал Генка. – Бабы сказки!

Коровин недовольно заметил:

– Дай послушать, что человек говорит!

– Томятся, значит, их душеньки, – строго и печально продолжал Жердьяй, – так и стонут под гатью, так и стонут. Я сам туда ходил, слышал. Старый граф этак глухо стонет; постонет да перестанет, постонет да перестанет. А молодой – громко, точно плачет, ей-богу!..

– Страшно! – прошептали сестры Некрасовы и опасливо посмотрели на лес; но им сделалось еще страшнее, и они придвинулись ближе к костру.

Жердьяй глухим, монотонным голосом, подражая старикам, продолжал:

– А в самую глухую полночь старый граф выходит на гать. Старый, борода до колен, белый весь, седой. Выходит и ждет. Увидит прохожего человека и говорит ему: «Пойди, говорит, к царице и скажи, пусть, мол, похоронят нас по христианскому обычаю. Сделай милость, сходи!» Так это просит слезно да жалостливо... А потом кланяется. А вместо шапки снимает голову. Держит ее в руках и кланяется. Стоит без головы и кланяется. Тут кто хошь испугается, с места не сдвинешься от страху. А старый граф кланяется, голову в руках держит и идет на тебя. А прохожему главное что? Главное – на месте выстоять. Коли выстоишь, так он подойдет к тебе вплотную и сгинет. А ежели побежишь, так тут и упадешь замертво. Упадешь замертво, а граф тебя под гать и утащит.

– И много он утащил? – улыбнулся Миша.

– Раньше много утаскивал. А теперь туда и не ходит никто. Из Москвы приезжали. Рыли эту самую гать. Да разве их найдешь! Как милиция уехала, так они снова залегли.

– А за что их казнили? – спросил кто-то.

– Кто их знает! Кто говорит – за измену, кто говорит – клад золотой царский запрятали.

– Ну конечно, – иронически заметил Генка, – клад уж обязательно. Без клада не обойдется.

Миша протянул руку по направлению к помещицкому дому:

– Про этих графов ты рассказываешь?

– Про них, – кивнул головой Жердьяй, – про предков ихних. Который граф за границу убежал, так тому, что под гатью, он внуком приходится.

Миша зевнул:

– Сказки!

– Не говори, – возразил Жердьяй, – старики рассказывают!

– Мало ли что старики рассказывают, – пожал плечами Миша. – Сколько чудес рассказывали про мощи, а когда стали в церквах изымать ценности в пользу голодающих, так ничего и не нашли в этих мощах. Одна труха, и больше ничего. Обман! Опиум! Затуманивают вам мозги, и всё!

Потом Миша посмотрел на свои часы. Хотя он носил их на руке, но они были переделаны из карманных, такие большие, что даже рукава рубашки не могли их закрыть. Полдевятого.

– Давай отбой! – приказал Миша горнисту.

В ночной тишине громко прозвучал горн.

Прощаясь с Жердьяем, Миша сказал:

– Завтра мы придем клуб оборудовать. Так ты сходи с ребятами в лес и наруби еловых веток. Мы ими клуб украсим.

– Можно, – согласился Жердьяй. – А книжки принесете?

– Обязательно. И попроси Николая, чтобы он тоже пришел. Поможет нам закончить сцену и скамейки.

– Придет! – уверенно ответил Жердьяй.

Белая рубашка мелькнула среди деревьев. Послышался хруст ветвей. Все стихло.

– Как он не боится ходить ночью по лесу один! – сказала Зина.

– А чего бояться? – хвастливо возразил Генка. – Я ночью куда угодно пойду. Хотя бы даже на эту дурацкую гать.

– Ложись лучше спать, – сказал Миша, – а то завтра к поезду опоздаешь.

Все разошлись по палаткам. Некоторое время слышались смех и возня. Миша в последний раз обошел лагерь, проверил посты. Остановливаясь у палаток, он громко говорил: «А ну давайте заснем»... Наконец лег и Миша. Все стихло.

Луна освещала спящий лагерь.

Но спали не все.

Часовые ходили по поляне, сходились у мачты и снова расходились в разные стороны.

Миша лежал и думал о том, куда могли деваться Игорь и Сева и что предпринимать, если их завтра не окажется в Москве.

Славка терзался тем, что ребята сбежали именно тогда, когда он оставался за старшего.

Девочки прислушивались к тишине ночного леса и, вспоминая рассказ Жердяя про Голыгинскую гать, боязливо натягивали на себя одеяла.

Коровин размышлял о том, что усадьба, в общем, подходящая для трудкоммуны. А старуха хоть и страшная, но директор детдома Борис Сергеевич так ее шуганет, что она сразу образумится.

Генка как лег, так и заснул.

Бяшка лежал и уже заранее негодовал при мысли, что Генка будет размахивать портфелем, а его заставит таскать мешок с продуктами. И он придумал справедливый и гордый ответ Генке и злорадствовал при мысли, как опешит Генка, когда увидит, что он, Бяшка, взял с собой вместо одного два мешка, чтобы им тащить поровну.

Дольше всех ворочался Кит. Он прикидывал, какие продукты привезут завтра из города Генка и Бяшка и что из этого можно будет сварить.

Наконец в мечтах о завтраке уснул и Кит.

Глава 8

Николай, брат Жердяя

Миша проснулся. В щели палатки пробивались первые лучи солнца. Пахло сухими еловыми ветками, служившими ребятам постелью.

Миша просунул часы под полог палатки... Что такое? Всего полпятого. Может быть, часы остановились?.. Он поднес их к уху и услышал равнодушное тиканье. Пытаясь снова заснуть, Миша натянул на себя одеяло. Но сон не возвращался. Беспокойные мысли лезли ему в голову. Но за всеми заботами, которые владели им теперь как вожатым отряда, неотступно стояла мысль об Игоре и Севе.

Не в силах больше заснуть, Миша осторожно, чтобы не задеть лежащих кругом ребят, выбрался из палатки.

Поляна была подернута прозрачным холодноватым утренним светом. С верхушек деревьев доносился птичий гомон. Возле мачты, лениво передвигая ноги, бродил Юрка Палицын, дежурный. Второй дежурный, Сашка Губан, спал, привалившись к дереву... Так и есть – спят по очереди! На дежурстве! Нечего сказать... Миша подкрался к Губану и дал ему щелчка в лоб. Губан вскочил и уставился на Мишу.

– На посту не спят! – прошептал Миша внушительно.

Потом он обошел лагерь. Все в порядке, все на месте. До побудки еще два часа. Можно бы еще поспать. Но уж раз встал, чего теперь ложиться... Сходить, пожалуй, искупаться, тогда уже не захочется спать...

С реки тянуло влажным холодком. Острые закрытые бутоны лилий торчали на воде среди широких зеленых листьев. Берег был влажен от росы.

Миша разделся, бросился в ледяную воду и сажёнками поплыл на другую сторону. Он раза три переплыл узкую, но глубокую речку, пока наконец согрелся. Но когда вылез на берег, снова ощутил холод. Стуча зубами, он долго прыгал на одной ноге, пытаясь другой попасть в штанину.

Потом он увидел подходивших к реке Николая Рыбалина, брата Жердяя, и еще одного крестьянина из их деревни – Кузьмина, пожилого, хмурого, бородатого мужчину. Они шли к маленькой бухточке, где неподвижно покоилось на воде несколько простых деревенских лодчонок.

Увидев Мишу, Николай заулыбался и приветливо махнул ему рукой. Это был человек лет двадцати пяти, в накинута на плечи старой солдатской шинели без хлястика, высокий, худой, костлявый. Но лицо его, тоже худое и костлявое, с острыми, выпирающими скулами, длинным, острым носом и тонкими, бледными губами, было добродушно и приветливо.

– Зябко небось купаться? – спросил Николай.

– Холодно, – признался Миша.

От нечего делать он пошел за ними к лодкам.

Кузьмин долго возился с замком. Скручивая сигарку, Николай молча посматривал на Мишу, улыбаясь неизвестно чему – может быть, тому, что он встретил Мишу, а может, тому, что начиналось прекрасное, погожее утро.

– Николай, – сказал Миша, – помните, вы обещали поработать сегодня с нами в клубе...

– Поработаем, – ответил Николай. – Съезжу только с Севастьяновичем на Халзин луг, вернусь, и поработаем.

– Не подведите.

Кузьмин справился наконец с замком и бросил цепь на дно лодки.

Николай перешел в лодку и сказал:

– Зачем подводить? Разве можно подводить?

Кузьмин тоже вошел в лодку и, упираясь ногой в сиденье, оттолкнулся веслом от берега.

На Кузьмине была рубашка без пояса, серые холщовые брюки, а на ногах – стоптанные короткие сапоги, похожие на боты.

Так Кузьмин и запомнился Мише – хмурый бородатый мужик со спутанными волосами, упирающийся ногой в сиденье и отталкивающийся от берега веслом...

– Мы вас будем ждать в клубе, – сказал Миша Николаю.

Николай опять улыбнулся в знак того, что он не обманет и исполнит обещанное.

Глава 9 В деревне

После завтрака Генка и Бяшка отправились на станцию. Плата за проезд в поездах и трамваях была введена недавно, ребята к ней еще не привыкли. Да и денег у отряда было мало.

– Туда поедете зайцем, – сказал Миша, – а обратно возьмете один билет. С ним Бяшка будет сидеть возле продуктов. А Генка будет бегать от контролера.

– Не надо нам никакого билета, – заявил Генка, – не в первый раз. Проедем.

– Нет! С мешками трудно бегать. Только продукты растеряете. Так что один билет возьмите обязательно.

Коровин тоже пошел на станцию – встречать директора детдома Бориса Сергеевича.

Звено Зины Кругловой осталось в лагере по хозяйственным делам.

Остальные ребята, предводительствуемые Мишей и Славкой, отправились в деревню.

Деревня раскинулась под горой, на самом берегу реки. Бревенчатые избы, крытые тесом и соломой, тянулись вдоль широкой, длинной улицы. Дворы были обсажены ветлами. Дома богатеев были двухэтажные, на красном кирпичном основании, а дом кулака Ерофеева был весь выложен из кирпича. Высокие, могучие дубы группами по два-три дерева виднелись здесь и там. Возле новых, выложенных из свежесрубленных бревен срубов валялась на земле желтоватая стружка.

Трубя в горн, отряд прошел по улице и остановился возле сельсовета. За ним тянулся длинный пустой сарай. Это и был будущий клуб.

Привлекаемые звуками трубы и видом шагающего по деревне отряда, деревенские мальчишки и девчонки сбегались со всех сторон. Кто постарше, подошел ближе, малыши стояли в отдалении: засунув пальцы в рот и тараща глаза, они смотрели на пионеров, хотя видели их уже не в первый раз.

Но почему-то не было Жердя.

– Что же вы елок для клуба не припасли? – спросил Миша.

– Пошли мы утром в лес, а он как заверещит, как застрекочет! – ответил маленький чернявый паренек по прозвищу «Муха».

– Кто – он?

– Известно... Леший.

Пионеры засмеялись.

Муха боязливо оглянулся по сторонам:

– Вы не смейтесь. Грешно смеяться.

Кит, которому на этот раз не удалось остаться на кухне, сказал:

– Дрова, хворост, грибы вы небось собираете, не боитесь.

Муха качнул головой:

– То другое дело. Тогда леший молчит, не сердится. А на клуб, видишь, не дает, не позволяет.

– И без лешего обойдемся, – сказал Миша. – Славка, беги со своим звеном за елками, а мы здесь займемся книгами.

С книгами возились долго. Одни ребята принесли прочитанные, другие побежали за книгами домой, третьи просили, чтобы им дали новые, а старые они потом отдадут. Еще дольше выбирали книги. Каждый рассматривал свою, затем ту, которую взял сосед. И, конечно, последняя нравилась больше. Книжки с картинками брали охотно, а от антирелигиозных отказывались: «Мамка увидит – выбросит».

Подошли еще два мальчика. Один, толстый, мордастый, с носом кнопкой, – Сенька, сын кулака Ерофеева. Второй – шестнадцатилетний, высокий, глуповатый, – Акимка-балбес, хотя и бедняцкий сын, но верный друг и холуй Сеньки Ерофеева.

– А! – закричал Сенька. – Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти окаянные!.. Это что? – Он вырвал у одной девочки книгу. – Опять против бога? – Потом с заискивающей и в то же время нахальной улыбкой обратился к Мише: – Дал бы и мне почитать, а?

– Дать можно. Только не эту. Эту Вера берет.

Миша хладнокровно взял из рук Сеньки книгу и возвратил ее Вере.

– Подумаешь, Верка сопливая! – хмыкнул Сенька. Потом ехидно спросил: – Что это вас так мало? Разбежались, что ли?

– В лагере остались, – ответил Миша.

– Знаем! – Сенька обернулся к Акимке-балбесу. – Разбежались кто куда. Теперь не соберете.

– А ты и рад! – укоризненно заметил Муха.

– Помалкивай, Муха! – огрызнулся на него Сенька. – Ты мне плот подавай, слышишь! Голову оторву.

– Не брал я твоего плота.

– Врешь, брал! Вместе с Жердям и утащили. Своего нет, так чужое воруете, жулье несчастное!

Начиная кое о чем догадываться, Миша спросил:

– Что за плот?

– Плот у меня Жердям с Мухой угнали, – сердито проговорил Сенька. – Угнали, подлюги, и не говорят куда. Жулье!

– Почему ты думаешь, что это сделали именно они?

– Кому же больше! Жердям – вор. Брат его Кузьмина убил? Убил. Наплачется теперь в тюрьме.

– Какой брат?.. Какого Кузьмина?.. – ничего не понимая, спросил Миша.

С радостным удивлением сплетника Сенька уставился на Мишу:

– А ты не знаешь?

– Ничего не знаю...

– Так ведь Николай, Жердяев брат, Кузьмина убил, – делая страшное лицо, сказал Сенька, – Кузьмина, мужика нашего одного. Из револьверта застрелил. Как же вы не знаете? Там уж вся деревня была. И доктор приезжал, и милиция. Уж их в город увезли – и Кузьмина мертвого, и Николая, бандита этого...

– Когда это было, где? – в страшном волнении спросил Миша.

– Утром сегодня. На Халзином лугу. Там его Николай и застрелил. И лодку куда-то запрятал. А еще активист считается! Все они, активисты, – бандиты.

– А где Жердям?

– Кто его знает? Дома сидит. Стыдно небось людям в глаза смотреть, вот и сидит дома...

А вы и не знаете ничего? Эх вы, пионеры-комсомольцы!.. Пошли, Акимка...

И они, лузгая семечки, вразвалку пошли по улице. Ошеломленный, Миша растерянно глядел им вслед. Может быть, Сенька все наврал?..

Но Муха печально проговорил:

– Это он верно рассказал. Николая заарестовали и в город увезли. На телеге.

Миша приказал Славке вести отряд в клуб, а сам побежал к Жердям.

Глава 10

Загадочное убийство

Только теперь Миша обратил внимание на то, как взбудоражена деревня.

Везде стояли кучки крестьян, а возле селпо шумела большая толпа. И по тому, как люди волновались, было очевидно, что говорят они именно об этом загадочном убийстве. А оно было загадочным. Трудно поверить в то, что Николай убил Кузьмина. Как мог этот добрый, приветливый человек убить?.. Ведь всего несколько часов назад Миша видел Николая и Кузьмина, разговаривал с ними. Они как живые стояли перед его глазами: Николай в потертой солдатской шинели без хлястика, Кузьмин в старых ботах, веслом отталкивающий лодку от берега. И это тихое утро, первые лучи солнца, свежий холодок реки, лилии меж зеленых листьев... Нет. Николай не виноват! Недоразумение, ошибка... И зачем ему было убивать Кузьмина? Миша никак не мог в это поверить. И с каким злорадством говорил Сенька Ерофеев: «Все активисты – бандиты...»

Рыбалины жили на краю деревни, в покосившейся избе под соломенной крышей. Концы тонких стропил торчали над ней крест-накрест. Два крохотных оконца падали на завалинку. Дверь из грубо сколоченных досок вела в холодные сени, где висели хомуты и уздечки, хотя ни лошади, ни даже коровы у Рыбалиных не было. Они были безлошадники, наибеднейшие крестьяне...

– Здравствуйте, – сказал Миша, входя в избу.

Мать Жердяя, Мария Ивановна, худая женщина с изможденным лицом, раздувала на загнетке огонь под черным чугунным горшком. Не разгибая спины, она обернулась на Мишин голос, тупо посмотрела на него и снова отвернулась к печке.

Жердяй тоже с безучастным видом посмотрел на Мишу и отвернулся.

На земляном, плотно убитом полу виднелись закругленные следы метелки. Грубый деревянный стол был испещрен светлыми полосками от ножа, которым его скоблили. Вдоль стен тянулись лавки, темные, потертые, гладкие; видно, что на них сидели уже не один десяток лет. В переднем углу висела маленькая потускневшая икона с двумя засохшими веточками под ней. На другой стене – портрет Ленина и плакат, на котором был изображен красноармеец, пронзающий штыком всех белых генералов сразу: и Деникина, и Юденича, и барона Врангеля, и адмирала Колчака. Красноармеец был большой, а генералы маленькие, черненькие, они смешно барахтались на острие штыка.

– Чего в клуб не идешь? – спросил Миша, присаживаясь рядом с Жердяем.

Жердяй посмотрел на спину матери и ничего не ответил. Миша кивнул головой на дверь:

– Пойдем!

– Николая нашего арестовали, – сказал Жердяй, и губы его задрожали.

– Я слышал, – ответил Миша. – Я их утром видел, они в лодку садились. И Николай, и Кузьмин.

Ворочая ухватом горшок в печи, Мария Ивановна вдруг сказала:

– Может, они и поспорили там, не знаю. Только не мог его Николай убить. Он и муху не тронет. И незачем ему. И спорить им не из-за чего. И никакого револьвера у него нету. – Она вдруг бросила ухват и, закрыв руками лицо, заплакала. – Четыре года в армии отслужил... Только жить начал... И такая беда... Такая беда... – Она тряслась и повторяла: – Такая беда... Такая беда...

– Надо ехать в город и защищать его, – сказал Миша.

Мария Ивановна вытерла глаза передником:

– На защитников деньги нужны. А где их возьмешь?

– Никаких денег не надо. В городе есть бесплатная юридическая помощь. При Доме крестьянина. И вообще Николая оправдают. Вот увидите.

Мария Ивановна тяжело вздохнула и снова принялась за свои горшки и ухваты.

Миша глядел на ее сгорбленную спину, худую, натруженную спину батрачки, на безмолвного Жердяя, на убогую обстановку нищей избы, и его сердце сжималось от жалости и сострадания к этим людям, на которых свалилось такое неожиданное и страшное горе. И хотя Миша ни секунды не сомневался, что Николай невиновен и его оправдают, он понимал, как тяжело теперь Марии Ивановне и Жердяю. Сидят одни в избе, стыдятся выйти на улицу, никто к ним не ходит.

– Спрашивает его милиционер, – снова заговорила Мария Ивановна, – «Ты убил?» – «Нет, не я». – «А кто?» – «Не знаю». – «Как же не знаешь?» – «А так, не знаю. Обмерили мы луг, я и ушел». – «А почему один ушел?» – «А потому, что Кузьмин на Халзан пошел».

– Что за Халзан? – спросил Миша.

– Речушка тут маленькая, – объяснил Жердяй, – Халзан называется. Ручеек вроде. Ну, и луг – Халзин.

Мария Ивановна продолжала свой рассказ:

– Вот и говорит ему Николай: «Кузьмин на Халзан пошел. Верши там у него расставлены. А я уж как стал к деревне подходить, гляжу – за мной бегут. Говорят, Кузьмина убили. Побежали мы обратно. Действительно, лежит Кузьмин». – «Стрелял-то кто?» – «Не знаю». – «А лодка где?» – «Не знаю». А милиционер говорит: «Ловок ты, брат, сочинять». Нет того, чтобы разобратся...

Миша пытался себе представить и луг, и убитого Кузьмина, и Николая, и толпу вокруг них, и милиционера... А может быть, поблизости орудуют бандиты... Миша подумал об Игоре и Севе. Ведь и их могли бандиты пристукнуть... Вот что делается...

Миша не хотел оставлять Жердяя и Марию Ивановну одних. Но Коровин со своим директором уже, наверно, пришли со станции. Надо идти в лагерь.

– Вы только ни о чем не беспокойтесь, – сказал он вставая, – все разъяснится. Николай не сегодня-завтра вернется домой. Да его и взяли в город как свидетеля.

– Нет уж, – вздохнула Мария Ивановна, – не скоро ее, правду-то, докажешь!

Глава 11

«Графиня»

Директор детского дома Борис Сергеевич оказался высоким, сутуловатым, еще молодым человеком в красноармейской гимнастерке, кавалерийских галифе и запыленных коричневых сапогах. Но он был в очках. Это удивило Мишу: военная, да еще кавалерийская форма, и вдруг – очки! Как-то не вяжется...

Очки придавали молодому директору строгий и даже хмурый вид. Он искоса и, как показалось Мише, неодобрительно посмотрел на палатки, точно ему не нравился и лагерь, и вообще все. Мишу это задело. С того дня, как его назначили вожатым, он стал очень чувствителен. Ему казалось, что взрослые относятся к нему снисходительно, не так, как к настоящему вожатому отряда. Не глядя на Бориса Сергеевича, Миша продолжал выговаривать Зине за то, что ее звено запоздало с обедом. Хоть Борис Сергеевич и директор, а он, Миша, тоже вожатый отряда и начальник этого лагеря.

Впрочем, по дороге в усадьбу Миша убедился, что директору вообще все здесь не нравится. Борис Сергеевич зыркал по сторонам глазами и так многозначительно молчал, что Миша начинал себя чувствовать виноватым в том, что усадьба запущена.

Они вышли на главную аллею и сразу увидели «графиню». Старуха неподвижно стояла на террасе, подняв кверху голову, в той самой позе, в какой ее уже видели мальчишки, когда прятались в конюшне. Казалось, что она поджидает их. И приближаться к этой неподвижной фигуре было довольно жутко.

Они остановились у нижних ступенек террасы. Но старуха к ним не спустилась. И так они все молча и неподвижно стояли: старуха наверху, а директор с мальчиками внизу.

Борис Сергеевич спокойно, со знакомым уже Мише неодобрением смотрел на старуху, на ее обрамленное седыми волосами лицо с крючковатым носом и грязно-пепельными бровями. И Миша видел, как под действием его взгляда все беспокойнее становится «графиня» и ее большие круглые глаза с волнением и ненавистью смотрят на пришельцев.

И чем больше наблюдал Миша эту сцену, тем больше нравились ему уверенность и спокойствие Бориса Сергеевича. И странно – Коровин тоже держался так, точно этой старухи и не было здесь вовсе. А когда приходил сюда с Мишей, так «сердце захолонуло».

Наконец старуха спросила:

– Что вам угодно?

– Будьте любезны спуститься, – ответил Борис Сергеевич голосом педагога, убежденного, что ученик обязательно выполнит его приказание.

Старуха сделала несколько шагов и остановилась. Но опять же двумя-тремя ступеньками выше Бориса Сергеевича и мальчиков.

Потом она надменно проговорила:

– Слушаю вас.

Ответа не последовало. Борис Сергеевич точно не видел старухи. Миша был восхищен его выдержкой. Вот что значит настоящий руководитель! Ничего не говорит, не произносит ни слова, а приказывает... Вот кому следует подражать!

И только тогда, когда «графиня» сделала еще несколько шагов и очутилась на одной ступеньке с Борисом Сергеевичем, он сказал:

– Я директор московского детского дома номер сто шестнадцать. Разрешите узнать, кто вы.

– Я хранительница усадьбы, – объявила старуха.

– Прекрасно, – сказал Борис Сергеевич. – Есть предположение организовать здесь детскую трудовую коммуну. Я бы хотел осмотреть дом.

Старуха вдруг закрыла глаза. Миша испугался. Ему показалось, что она сейчас умрет. Но ничего со старухой не случилось. Она постояла с закрытыми глазами, потом открыла их и сказала:

– Этот дом – историческая ценность. Я имею на него охранную грамоту.

– Покажите, – сухо проговорил Борис Сергеевич.

Старуха вытащила из-под платка бумагу, подержала ее в руках и протянула Борису Сергеевичу.

Тот взял и, по своему обыкновению недовольно морщась, начал читать.

Подавшись вперед и скосив глаза, Миша из-за плеча Бориса Сергеевича тоже заглянул в бумагу.

В левом углу стоял большой расплывшийся штамп, точно наляпанный фиолетовыми чернилами. Текст был напечатан на пишущей машинке. Сверху крупно: «Охранная грамота». Ниже, обыкновенными буквами: «Удостоверяется, что жилой дом в бывшей усадьбе Карагаево, как представляющей историческую ценность, находится под охраной государства. Всем организациям и лицам использовать дом без особого на то разрешения губнаробраза воспрещается. Нарушение охранной грамоты рассматривается как порча ценного государственного имущества и карается по законам Республики. Зам. зав. губернским отделом народного образования Серов». И затем следовала мелкая, но длинная подпись этого самого Серова.

– Все правильно, – сказал Борис Сергеевич, возвращая бумагу, – и все же здесь будет организована коммуна.

– Не извольте мне приказывать, – старуха вскинула голову, – и попрошу больше не беспокоить.

Она повернулась, поднялась по лестнице и скрылась за высокой дубовой дверью.

Борис Сергеевич обошел усадьбу, осмотрел сараи, конюшни, сад, пруд и расстилающиеся за усадьбой поля.

И Коровин тоже долго и внимательно смотрел на поля. Потом Борис Сергеевич сказал:

– Под самой Москвой – и помещики сохранились. На шестом году революции. Удивительно!

Когда они покидали усадьбу, Борис Сергеевич обернулся и снова посмотрел на дом. Остановились и мальчики. В ярких лучах заката бронзовая птица горела, как золотая.

Она смотрела круглыми злыми глазами, словно была готова сорваться и броситься на них.

– Эффектная птица, – заметил Борис Сергеевич.

– Самый обыкновенный орел, – презрительно сказал Миша.

– Да? – ответил Борис Сергеевич, но, как показалось Мише, с некоторым сомнением в голосе.

Глава 12

Новые планы

Борис Сергеевич и Коровин уехали в Москву. Через час должны приехать Генка с Бяшкой. Хотя в Мише еще теплилась надежда, что они разыскали беглецов в Москве, он был почти уверен, что именно Игорь и Сева забрали Сенькин плот и поплыли на нем вниз по реке... Но все же вдруг...

Приехали Генка и Бяшка и объявили, что Игоря и Севы в Москве нет.

Генка делал вид, что он очень устал, хотя оба мешка тащил Бяшка; Генка взял один перед самым лагерем, чтобы показать, что и он работал.

В мешках оказалось много хлеба: по четверть и по полбуханки и даже две целые буханки.

– Я старался горбушками собирать, – хвастался Генка. – Если мне давали середину, то я говорил: «Нельзя! Плохая выпечка. Может случиться заворот кишок».

И Генка театрально размахивал руками, показывая, как он все это говорил.

Затем Кит извлек из мешка несколько кульков с крупами, пакет с сухими фруктами для компота и немного муки – вещь очень ценная, потому что из нее можно выпекать оладьи.

– Нам этих круп надолго хватит, – разглагольствовал Генка, – при экономном расходовании – до конца лагеря. Если, конечно, Кит не сожрет всю эту крупу в сыром виде. Вот по линии сахара слабовато. Никто не дал. Зато есть немного конфет.

Эти слипшиеся конфеты Миша распорядился тут же пересчитать и выдавать поштучно: две конфеты в день, к утреннему и вечернему чаю.

Потом Кит вытащил кусок свиного сала, пакет с селедками, топленое масло в вошеной бумаге, десятка два крутых яиц.

В добавление ко всему Генка вручил Мише деньги – тридцать восемь рублей.

– Урожай хороший, – одобрительно заметил Миша. – Видишь, Генка, что значит тебя посылать.

Генка хотел рассказать, кто из родителей что дал, но Миша остановил его:

– У нас все общее, следовательно, кто что дал, не имеет никакого значения. Как только продукты очутились в мешке, они принадлежат всему отряду. И незачем об этом говорить. Лучше расскажи, что ты узнал дома у Игоря и Севы.

– Пришли мы к Севиной маме, – начал рассказывать Генка, – я ей вежливо говорю: «Здрасьте!» Она мне тоже отвечает: «Здрасьте!» Потом я говорю: «Вот приехали за продуктами». А она спрашивает: «Как там мой Сева?» Я отвечаю: «Здоров, купается». – «А когда он вернется?» – это она спрашивает. «В самые ближайшие дни», – отвечаю я. «Зачем?» – «За книгами». – «Очень хорошо. Передайте ему привет». Мы попрощались и ушли. Так же приблизительно было и у Игоря.

– Приблизительно, да не так, – вставил борец за справедливость Бяшка.

– Начинается! – пробормотал Генка.

– А как было у Игоря? – спросил Миша, предчувствуя, что Генка что-то натворил.

– Мы как вышли от Севиной мамы, – начал Бяшка, – так Генка говорит: «Что-то очень подозрительно Севина мама с нами разговаривала. Может быть, Сева уже приехал, прячется от нас, а мамаше своей велел ничего нам не говорить. Нет, у Игоря мы будем умнее, они нас не проведут». Я его еще предупредил: «Не выдумывай, Генка, а то напортишь». Ведь предупреждал тебя, предупреждал?

– Рассказывай, рассказывай, – мрачно произнес Генка, – я потом отвечу.

– Ну вот, – продолжал Бяшка, – приходим мы к Игорю, а там бабушка – мама дежурит на работе. «Ну, – шепчет мне Генка, – эту старушенцию мы вокруг пальца обведем».

Я попытался его удержать, но Генка меня не слушает и говорит: «Здрасте, мы к Игорю». А бабушка отвечает: «Игоря нет, он в лагере». Тогда Генка подмигивает ей и говорит: «Вы нас не бойтесь. Мы тоже из лагеря сбежали. А теперь нам надо посоветоваться с Игорем, как действовать дальше». Бабушка хлопает на нас глазами, видно, что ничего не понимает, а Генка все свое: «Давайте, говорит, побыстрее своего Игоря, нам тоже некогда». Старушка сначала онемела, глотает воздух, потом как завопит: «Батюшки! Значит, наш Игорек сбежал из лагеря! Куда же это он? Да где же это он? Что теперь делать? Надо поскорее матери сообщить! Надо сейчас же в милицию бежать!..» Верно, Генка, так ведь было?

– Ладно, ладно, рассказывай.

– Тут, конечно, Генка перетрусил, стал говорить, что нарочно соврал. Я тоже стал доказывать, что Генка просто пошутил; если бы Игорь действительно сбежал, то мы не брали бы для него продукты. Едва-едва старушку успокоили. Но хоть мы ее на время успокоили, она все равно Игоревой маме все расскажет. Вот увидите!

– Ты безответственный человек, Генка, – с сердцем сказал Миша, – тебе ничего нельзя поручить! Мало того, что Игорь и Сева из-за тебя сбежали, ты еще их родителей разволновал. А ведь предупреждали тебя! Теперь всё! Найдем ребят и выгоним тебя из звеньевых.

– Как же так? – плаксиво пробормотал расстроенный Генка. – Я комсомолец, я назначен...

– Тем более что комсомолец. Безобразие! Что ему ни поручи – все наоборот делает!

Глава 13

Художник-анархист

Итак, беглецов надо искать на реке. Ясно: они уплыли на Сенькином плоту. И, конечно, вниз. Какой им смысл подниматься против течения?

На чем же гнаться за ними? Готового плота нет, да и движется плот слишком медленно. Значит, надо плыть за ними на лодке. Ее можно достать на лодочной станции. Но ведь лодочник заломит такую цену, что никаких денег не хватит!

Есть еще лодки у некоторых крестьян, но кто даст? Особенно нравилась Мише одна лодка, хотя и четырехвесельная и нелепо раскрашенная, но небольшая, быстроходная и легкая. Она принадлежала странному человеку, который жил в деревне у своей матери и именовал себя художником-анархистом. В чем заключался его анархизм, Миша не знал. Он видел его два раза на улице. Художник был пьян и то бормотал, то выкрикивал какие-то непонятные слова. Это был маленький голубоглазый человек лет тридцати, вечно небритый и вечно пьяный.

Единственный, кто мог помочь Мише достать у художника лодку, был Жердьяй. К нему и направился Миша, тем более что решил взять Жердяя с собой. Никто так не знает реку, окрестные леса и села, как Жердьяй. И ему самому будет интересно поехать. Ведь они поплывут мимо Халзина луга, и мало ли что бывает: вдруг нападут на след истинных убийц Кузьмина? И тогда легко будет оправдать Николая. Этот довод подействовал на Жердяя. Он согласился ехать с Мишей и идти к анархисту за лодкой.

– Зовут его Кондратий Степанович, – рассказывал Жердьяй про анархиста, – художник он. Картин у него полно, всю избу разрисовал. Если он пьяный – слова не даст сказать, если с похмелья – то вовсе прогонит, а если трезвый – тогда, может, и уступит лодку.

Изба сельского художника поразила Мишу прежде всего смешанным запахом овчины, олифы, масляных красок, сивухи, огуречного рассола и прокисших щей. Она была довольно вместительной, но заставлена необычными для крестьянской избы вещами: мольбертом, коробками красок, старинной, видимо привезенной из города, мебелью.

Но поразительнее всего было то, что и изба, и все предметы в ней были разрисованы самым странным и даже диким образом.

Стены – одна зеленая, другая желтая, третья голубая, четвертая и вовсе не поймешь какая. Печь вся в разноцветных квадратах, ромбах и треугольниках. Полы желтые. Потолок красный. Скамейки вдоль стен коричневые. Оконные рамы белые. Ухваты возле печи и те были разных цветов, а кочерга красная. Только городская мебель сохраняла свой натуральный цвет, но было ясно, что и до нее доберется эта деятельная кисть.

Художник сидел на лавке и что-то сосредоточенно строгал. Редкие на висках, но длинные сзади волосы рыжими мохнатыми космами опускались на белый от перхоти ворот толстовки, не то бархатной, не то вельветовой, изрядно вытертой и перепачканной всевозможными красками. Шея была повязана грязной тряпкой, изображавшей бант. Он поднял на ребят мутные голубые глаза и тут же опустил, продолжая свою работу.

– Мы к вам, Кондратий Степанович, – сказал Жердьяй.

– Зачем? – спросил художник низким, глухим басом, неожиданным в этом маленьком и тшедушном человечке.

Жердьяй показал на Мишу:

– Начальник отряда к вам пришел.

Художник опять поднял голову. Взгляд его остановился на Мишином комсомольском значке.

– Комсомол?

- Комсомол, – ответил Миша.
- А кто я есть, тебе известно?
- Вы художник.
- По убеждениям?
- Не знаю, – едва удерживаясь от смеха, ответил Миша.
- По убеждениям я есть анархист-максималист, – важно объявил Кондратий Степанович.

- Мы хотели попросить у вас лодку на два дня, – сказал Миша.
- Анархисты-максималисты, – продолжал Кондратий Степанович, – не признают власти. По отношению к советской власти – нейтралитет. В опыт не верим, но и не мешаем. Вот так... – Больше ему нечего было сказать о своих политических взглядах, и он повторил: – Вот так... – И снова начал строгать.
- А лодку дадите? – спросил Миша.
- Зачем?

Миша уклончиво ответил:

– Нам надо съездить в одно место.

– Анархисты имеют отрицательное отношение к собственности, – витиевато проговорил Кондратий Степанович. – Почему лодка моя?

Миша пожал плечами:

– Говорят, что ваша.

– Зря говорят! Привыкли к собственности, вот и говорят. Все общее.

– Значит, нам можно взять лодку?

– Берите, – продолжая строгать, сказал Кондратий Степанович.

– Спасибо! – обрадовался Миша. – Мы ее вернем в целости и сохранности.

Жердй тихонько толкнул его в бок:

– Ключ проси!

– Тогда дайте нам ключ от лодки, – сказал Миша.

Кондратий Степанович сокрушенно покачал головой:

– Ключ... Трудное дело...

– Почему? – обеспокоенно спросил Миша, начиная понимать, что получить лодку будет вовсе не так просто, как ему показалось.

– Ключ – это личная собственность.

– Ну и что же?

– Лодка – общественная собственность, пользуйтесь, а ключ – собственность личная, могу и не дать.

– Что же нам, замок взломать?

Кондратий Степанович скорбно покачал головой:

– Экс-про-при-ация! Нельзя без общества.

– А мы всем отрядом, – нашелся Миша.

Кондратий Степанович еще печальнее качнул головой:

– В милицию заберут.

– Ведь вы не признаете милиции, – ехидно заметил Миша.

Совсем упавшим голосом художник сказал:

– Мы не признаем. Она нас признает.

– Мы бы вам заплатили за лодку, но у нас нет денег, – признался Миша.

Кондратий Степанович отрицательно замотал головой:

– Анархисты-максималисты не признают денежных знаков. – И, подумав, добавил: – Обмен – это можно.

– Какой обмен?

– Ключ я дам, а вы взамен дадите мне подряд на оборудование клуба.

– Что за подряд? – удивился Миша.

– Клуб вы устраиваете? Украсить его надо? Вот я его и оформлю.

– Но ведь мы делаем его бесплатно.

– Плохо, – поник головой художник. – Труд должен вознаграждаться.

– Ведь анархисты не признают денег, – опять съехидничал Миша.

– Я не говорю – оплачиваться, а говорю – вознаграждаться, – пояснил анархист.

– Ребята вам за это картошку прополют, Кондратий Степанович, – сказал практичный Жердй.

– Эксплуатация, – задумчиво пожевал губами художник.

– Какая же это эксплуатация! – возразил Миша. – Вы вложили в лодку свой труд, а мы вам поможем своим трудом.

– Разве что так, – размышлял вслух Кондратий Степанович. – А когда прополете? Время не ждет. – И он посмотрел в окно, через которое виднелся заросший бурьяном огород.

– Как только вернемся, – ответил Миша, – дня через два.

– Ладно уж, – согласился наконец художник, – и насчет клуба подумайте. Я его так оформлю, что и в Москве такого не найдется.

Он снял со стены и протянул Мише ржавый ключ.

– Хорошо, – радостно говорил Миша, пряча ключ в карман. – Мы обязательно подумаем насчет клуба.

Жердьяй снова подтолкнул его:

– Весла!

– А где весла? – спросил Миша.

– Весла... – проговорил Кондратий Степанович печально.

Миша с испугом подумал, что он опять начнет рассуждать о собственности и не даст весел.

– Весла и уключины. Иначе как же мы на ней поедем?! – решительно сказал Миша.

– И уключины... – вздохнул Кондратий Степанович.

Ему очень хотелось еще поговорить, но, вспомнив, видимо, и о прополке и о клубе, он еще раз вздохнул и сказал:

– Весла и уключины в сарае возьмете. А потом на место поставите.

Глава 14

Всегда готовы

На время своей отлучки Миша решил оставить старшей в лагере Зину Круглову. Генка легкомыслен, Славка нерешителен, Зина же хоть и девочка, а ребята ее уважают и даже побаиваются.

Но чтобы Генка и Славка не обиделись, Миша решил их взять с собой в поездку. Значит, вместе с Жердям их поедет четверо. Двое – на веслах, третий – за рулем, четвертый – дозорным, на носу.

Вернувшись в лагерь, Миша приказал Генке готовить снаряжение, а Славке – провизию.

– Рассчитывайте на два дня, – сказал Миша. – Ты, Генка, проверь лодку; нет ли течи, как сидят уключины и весла. Приготовь на всякий случай запасное весло и шест. Возьми пару удочек. Не забудь компас, топор, веревку, ведро, котелок, фонарик с батарейками. И свистки для каждого. И два флажка для сигнализации.

– А палатку?

– Не надо. И так переночуем. Да, спички не забудь. Все! Записал?

– Записал! – Генка подвел под списком жирную черту.

Миша повернулся к Славке:

– Теперь ты, Славка! Продукты возьмешь в двух мешках – на случай, если разделимся попарно. Каждому – кружку, ложку, нож. Продукты: одну буханку хлеба, лапши на две варки, крупы какой-нибудь тоже на две варки, немного масла, чай, восемь штук конфет. Все!

Генка зароптал:

– Голодать будем! А яйца, сало?

– Надо здесь ребятам побольше оставить. А мы наловим рыбы. Не забудь соль.

– Можно картошки взять, – предложил Славка.

– Верно, – согласился Миша. – И учти: никаких бумажных пакетов, только из материи. Вообще все снаряжение надо подогнать так, чтобы ничего не скрипело, не болталось, а главное, не звякало и не брякало. Понятно? Ты, Генка, смажь уключины и возьми с собой кусок холстины: может быть, придется обвязать весла для бесшумности.

– Не беспокойся, Миша, – заверил Генка, – все будет сделано как нельзя лучше.

– Мы, конечно, всё сделаем, – сказал рассудительный Славка, – но, честно говоря, я сомневаюсь в успехе нашей поездки.

– Ты всегда во всем сомневаешься! – разозлился Генка.

– Сева и Игорь имеют перед нами преимущество двух суток, – продолжал Славка, – и мы их никогда не догоним.

– Мы не догоним таких пентюхов? – закричал Генка.

Миша сказал:

– Во-первых, они плывут на плоту, а мы на лодке, это вдвое быстрее. Во-вторых, они делают много остановок: и продукты им надо купить, и маршрут они плохо знают, и дрыхнут, наверно, до полудня. И, наконец, в-третьих, не вечно же они собираются плыть по реке! Где-то они должны остановиться и пересечь на железную дорогу. Значит, в этом месте они оставят плот. Мы этот плот увидим. И по этому следу будем их искать.

– Понятно теперь? – насмешливо заключил Генка. – А если непонятно, то сиди здесь и вари с Китом кашу.

К вечеру все было готово. Снаряжение и продукты сложены в лодку, а сама она, проверенная и смазанная, подведена ближе к лагерю, и возле нее поставлены часовые. Отплытие было назначено на четыре часа утра. Чтобы не опоздать, Жердяй остался ночевать в лагере.

Вечером у костра Миша, вызывая к сознательности ребят, убеждал их слушаться Зину.

– Положение очень серьезное. Я уже не говорю о международной обстановке, это все знают. Но даже здесь тревожно. Сева и Игорь убежали. А тут загадочное убийство. Может быть, рядом бродят бандиты. И помещичья усадьба со старухой тоже очень подозрительна. Так что нам надо быть настороже. Дисциплина прежде всего.

Зина Круглова, чтобы усилить впечатление, добавила:

– Эта старорежимная графиня возьмет и сожжет усадьбу, чтобы коммуне не досталась.

– Даже очень просто, – подтвердил Миша, единственно для поддержки Зининого авторитета. В то, что старуха сожжет усадьбу, он, конечно, не верил.

– Подумать только, – закричал Генка, – один человек занимает такую домину! Двести ребят можно разместить. Безобразия, честное слово!

– Безобразия, – согласился Славка. – Но какое это имеет отношение к Игорю и Севе? Усадьба, убийство Кузьмина – при чем тут Игорь и Сева?

– А при том, что идет классовая борьба, – назидательно проговорил Миша, – понял? Зря людей не убивают. И графиня, наверно, тоже ждет, когда вернутся всякие там помещики и князья. Вот и стережет для них усадьбу.

Славка в знак сомнения покачал головой:

– Вряд ли есть люди, которые надеются, что вернется старый режим.

– Не беспокойся, есть, – заверил его Миша.

Жердяй сказал:

– Кулаки у нас на деревне говорят... Теперь лорд этот самый английский...

– Лорд Керзон, – подсказал Миша.

– Вот-вот... Керзон этот самый... Написал Ленину письмо.

– Ультиматум.

– Так говорят, теперь советской власти конец.

Все рассмеялись.

– Эх ты, Жердяйчик! – закричал Генка. – Не дождутся ваши кулаки конца советской власти. И графиня тоже не дождется. И граф ее, белоэмигрант, тоже не дождется!

– Керзон нам предъявил наглые требования, – сказал Миша, – совсем заврался. Требуется, чтобы мы отозвали своих представителей из Ирана и Афганистана. Видали его? Английские капиталисты боятся, что их колонии не захотят больше быть колониями. Понятно? Народы Востока! А ну-ка, Славка, прочитай газету, которую Генка сегодня из Москвы привез.

Славка развернул газету. Вверху, слева, было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а справа: «Берегите газеты, у нас их мало!»

Славка вслух прочитал и об ультиматуме Керзона, и о демонстрациях против ультиматума под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

– Видал? Нас поддерживают рабочие всего мира, – объяснил Миша. – И никакие капиталисты нам не страшны.

Жердяй задумчиво сказал:

– Еще говорят, что Ленин совсем болен.

– Что же из того, что он болен? Переутомился, вот и болен. Слушай... – Миша взял у Славки газету и громко прочитал: – «Резолюция рабочих Гознака... Дать Владимиру Ильичу трехмесячный отпуск и потребовать от него точного исполнения предписаний врачей, дабы он мог восстановить свои силы на благо трудящихся». Понятно? – сказал Миша, свертывая газету. – Ленин отдохнет и выздоровеет. Так что пусть ваши кулаки не радуются.

Неожиданная мысль пришла ему в голову, и он сказал:

– Знаете что, ребята? Сейчас все пишут Ленину, давайте и мы напишем.
Все удивились. Что они могут написать Ленину?

А Миша уже увлекся своей идеей. Забыв, что он твердо решил быть таким же спокойным и невозмутимым, как директор детского дома Борис Сергеевич, он вскочил и, размахивая руками, сказал:

– Напишем, чтобы он скорее выздоровел.

– Правильно! – поддержал его Генка. – Все пишут.

Зина Круглова сказала:

– Если даже Ильич не прочтет нашего письма, то ему о нем расскажут. И ему будет приятно, что все о нем помнят, любят и желают ему здоровья.

И ребята, крича и перебивая друг друга, сочинили такое письмо Владимиру Ильичу Ленину:

«Дорогой Ильич! Мы, юные пионеры и комсомольцы, шлем тебе горячий пролетарский привет. Мы хотим, чтобы ты скорее выздоровел. Мы хотим бороться за рабочее дело так же, как боролся и ты всю свою жизнь. Мы всегда готовы защищать и укреплять Советскую Россию. Выздоровливай скорее, дорогой наш Ильич!»

Часть вторая Погоня

Глава 15 Лодочная станция

Миша уперся ногой в скользкий от ночной росы берег, столкнул лодку в воду, перева-
лился через борт и вскарабкался на нос.

Поехали!

Белесый туман окутывал реку. Берега едва виднелись. Кусты ракитника достигали
почти середины реки. Толстые стволы лежали над самой водой. Генка и Славка едва не заде-
вали их веслами. Но сидевший на корме Жердьяй искусно направлял лодку по узкой и изви-
листой речонке.

Миша засек время. Если они будут делать восемь километров в час, то к вечеру достиг-
нут устья реки. Туда считается не то семьдесят, не то восемьдесят километров.

Размышляя таким образом, Миша зорко поглядывал по сторонам. В этот предутренний
час река казалась совсем чужой. Все вдруг стало огромным, глубоким, таинственным, при-
чудливым: неожиданно высокие деревья, верхушек которых не было видно, кусты, казав-
шиеся непроходимыми... Почему они никак не могут обогнуть мысок, за которым должна
быть лодочная станция? Может быть, в темноте он проглядел ее?..

Миша приподнялся. В эту минуту они обогнули мыс. Сразу стало светлее. Миша уви-
дел маленькую будку лодочной станции. Но тут же он заметил приближающуюся к станции

женщину. Миша узнал ее. Это была «графиня». Зачем она пришла сюда так рано? Миша торопливо прошептал:

– Тихо! Не гребите!

Генка и Славка подняли весла. Лодка сразу сбавила ход. Ухватившись рукой за ветку, Миша подтянул лодку под куст орешника. Отсюда была хорошо видна лодочная станция.

Туман еще не сошел. Люди у будки казались мутными тенями. За будкой виднелся неподвижный силуэт лошади, запряженной в повозку. И оттого, что будка была очень маленькой, лошадь и телега казались громадными.

На берегу стояли «графиня» и кулак Ерофеев, отец Сеньки, маленький кособокий старичок в черном картузе и очках в железной оправе.

Лодочник Дмитрий Петрович возился в лодке, потом выпрямился и вышел на берег. Это был человек лет тридцати, среднего роста, ловкий и сильный. Миша его не то что побаивался, а чувствовал себя с ним неудобно: как-то неискренне и хитро улыбался всегда лодочник. Ходил он босиком, в сатиновой рубашке без пояса. Но лицо у него было чистое, холерное, совсем не крестьянское, с маленькими острыми усиками.

Ерофеев и лодочник подошли к телеге. С нее кто-то соскочил. Ребята вгляделись – это был Сенька. Ерофеев снял с телеги рогожу. Затем они втроем перетащили в лодку два больших мешка.

Дмитрий Петрович прыгнул в лодку. Ерофеев оттолкнул ее. Лодка качнулась, отошла от берега и, влекомая течением, повернулась на середине реки. Табана одним веслом, Дмитрий Петрович направил ее вниз по течению.

Все смотрели вслед лодке: мальчики – из своего укрытия, старуха и Ерофеев – с берега, Сенька – с телеги.

Лодка скрылась за поворотом. Ерофеев что-то сказал «графине» и пошел к телеге. Уже держа в руках вожжи, он опять что-то сказал. Старуха молча кивнула головой.

По береговой дороге телега двинулась к деревне. Старуха полевой тропинкой пошла к усадьбе. В высокой пшенице мелькнул ее черный платок. Раз, другой... Потом она совсем скрылась из глаз...

Глава 16

На реке

Первым нарушил молчание Генка.

– Интересно, что они увезли в лодке? – проговорил он, вставая и вглядываясь в даль реки, хотя ни лодки, ни лодочника уже не было видно. – Недаром эта несчастная лодочная станция всегда казалась мне подозрительной. Я еще вчера Славке говорил. Правда, Славка, говорил я тебе, что станция очень подозрительная, говорил?

– Не вчера, а позавчера, – ответил точный Славка, – и ничего подозрительного я здесь не вижу. Мало ли что людям надо перевезти на лодке.

– «Перевезти», ага! – передразнил его Генка. – В такую рань, чтобы никто не видел! И Ерофеев, кулак и мироед, со своим Сенькой примазались. – Он обернулся к Мише: – Знаешь, Миша, давай лучше высадим Славку.

– Зачем?

– Он всю дорогу будет сомневаться: «Ничего такого», «Ничего особенного», «Ничего у нас не выйдет», «Ничего мы не найдем»... Так и будет канючить...

Миша в ответ только отмахнулся. Но что все это значит? «Графиня», лодочник, Ерофеев – все вместе. Что-то отправляют, ночью, тайком...

– Возможно, старуха инвентарь вывозит, чтобы коммуне не достался, – предположил он.

– Какой у нее инвентарь! – сказал Жердй. – Нет у нее никакого инвентаря.

– Что же по-твоему?

– А я почему знаю!

– Ладно! – решил Миша. – Все равно нам плыть вниз. Будем искать Игоря и Севу и заодно посмотрим, куда лодочник отвезет эти мешки. Главное – чтобы он нас не увидел. Поехали!

Жердй оттолкнул лодку от берега. Генка и Славка взмахнули веслами. Приставив к глазам бинокль, Миша вглядывался вперед. Лодочника не было видно. Но ничего, они его нагонят.

Извилистая речка протекала в глубокой, узкой долине. Высокий, правый берег был сильно подмыт – над водой желтели ноздреватые известняки, белели причудливые обрывы мела. На низком левом берегу виднелись узкие полоски заливных лугов и торфяных болот. Сквозь мутную воду дно проглядывалось только на очень мелких местах – вязкое, покрытое тиной. Местами вода быстро кружилась – на дне били ключи и родники.

Мальчики миновали деревню, паромную переправу, а лодочника все не было. Неужели на двух парах весел они не могут его догнать? Миша дал знак пристать к берегу, вылез из лодки и взобрался на холмик, пытаясь оттуда увидеть лодочника.

Широкая панорама долины открылась перед ним: бескрайные поля, темные леса, тихие перелески, одинокие ветряные мельницы, белые колокольни церквей, на ближних полях телеги с поднятыми к небу оглоблями... Солнце медленно подымалось из-за горизонта. Его косые лучи раздвигали дали, окрашивая весь мир в яркие краски. Но узкая черная полоска реки была скрыта холмами и зарослями, и ничего на ней нельзя было увидеть.

Миша вернулся в лодку. Они с Жердеем сменили Генку и Славку и поплыли дальше. Теперь Генка сидел на руле, а Славка с биноклем в руках – на носу.

– Нажмем, Жердй, – говорил Миша, изо всех сил работая веслами. – Ты, Генка, на руле поосторожнее...

– За меня не беспокойся, не в первый раз, – не замедлил ответить Генка.

В тельняшке и подвернутых брюках, с кормовым веслом в руках он выглядел очень живописно.

– Ты, Славка, – продолжал командовать Миша, – смотри в оба! И не только за лодочником. Главное – Игорь и Сева. Смотри, нет ли плота или каких-нибудь других следов.

– Пока ничего нет, – ответил Славка, – ни лодочника, ни ребят, ни плота, ни следов.

Так плыли они еще с полчаса, гребя изо всех сил. Миша уже хотел произвести замену, как вдруг Славка, не отрывая глаз от бинокля и поворачивая его то в одну, то в другую сторону, сказал:

– Тише, ребята! Кажется, лодочник...

– Где?!

Миша и Жердьяй подняли весла. Генка привстал, всматриваясь вперед.

– Опять пропал, – поворачивая бинокль, сказал Славка. – Только что, за тем поворотом, я видел лодку. Ага, вот он опять мелькнул...

– Сколько до него?

– С километр, – неуверенно проговорил Славка.

– Сейчас будет Халзин луг, – волнуясь, сказал Жердьяй.

– К берегу! – тихо скомандовал Миша.

Когда он с Жердьяем выскочили на берег и посмотрели на реку, то увидели, что лодочник не гребет. Его лодка покачивалась на воде, а сам он, повернув голову, смотрел на берег.

– На Халзин луг смотрит, – прошептал Жердьяй, белый как полотно.

– А ты чего волнуешься? Нечего волноваться.

Лодочник по-прежнему смотрел на луг, изредка медленным движением весла выравнивая лодку. Ага, не хочет подплывать к месту, где убили Кузьмина...

Генка не утерпел и тоже вылез на берег. Теперь они трое, как и лодочник, смотрели на Халзин луг.

Покрытый ярко-зеленой травой, залитый солнечным светом, он тянулся по левому берегу Утчи и по правому берегу впадающей в Утчу крошечной, почти высохшей речушки Халзан.

В зеленом однообразии луга было столько спокойствия, что мальчикам казалось, будто они слышат оттуда монотонное жужжание комаров и звонкое стрекотание кузнечиков. Место было совершенно открытое. Несколько одиноких деревьев свешивали к земле свою низкую листву. И только на берегу довольно густо росли кусты. Откуда же стреляли в Кузьмина? И почему Николай не слышал выстрела? И кто угнал лодку? Странно...

Наконец лодочник взмахнул веслами. Лодка поплыла дальше. Мальчики тут же сползли с берега и двинулись вслед за ней. На веслах – Генка и Славка, на носу – Миша, на корме – Жердьяй.

Теперь они держались от лодочника на таком расстоянии, чтобы за каким-нибудь поворотом можно было рассмотреть его в бинокль.

Лодочник то появлялся, то исчезал за частыми излучинами реки. Он сидел на веслах, лицом к следовавшим за ним мальчикам, и им приходилось быть очень осторожными, чтобы не попасться ему на глаза. Перед каждым поворотом реки Миша выскакивал на берег и смотрел в бинокль, где лодочник. В азарте погони они совсем забыли о цели своего путешествия.

– Сейчас самые лесистые места пойдут, – сказал Жердьяй, – скоро я вам тропочку покажу. Если по этой тропочке идти, то как раз на Голыгинскую гать и выйдешь.

– Ту самую, где мертвый граф закопан?

– Ту самую.

– Так далеко от усадьбы?

– По реке далеко. А через лес близко.

Длинная излучина реки, прикрытая густыми зарослями, опять укрыла лодочника. Боясь потерять его из виду, Миша приказал грести скорее. Генка и Славка налегли на весла. Лодка вынеслась за поворот. И Миша сразу убедился в опрометчивости своего поступка... Метрах в трехстах от них лодочник, шагая по воде, втягивал свою лодку в маленькую бухточку возле двух белых камней... Ребят выручило только то, что лодочник стоял к ним спиной и, расплескивая ногами воду, не слышал шума их весел.

Мальчики быстро подтянулись к берегу и укрылись за высоким деревом, ветки которого спускались к самой воде. Оставаясь сами незамеченными, они хорошо видели лодочника.

– От этих двух камней и идет дорога на Голыгинскую гать, – прошептал Жердй.

Миша сделал ему знак молчать.

Лодочник вытащил лодку, забросил цепь за камень и обернулся к лесу.

Тишину реки огласил троекратный крик совы.

Глава 17

Лодочник

Это была маленькая, обмелевшая бухточка. Густые листья могучего дуба заслоняли ее от солнца – только поэтому она не высохла. На берегу лежали два больших белых камня. Короткая тропинка тянулась от них к орешнику и исчезала в лесу.

Лодочник стоял на берегу, к чему-то прислушиваясь. Прислушались и мальчики. В лесу раздался далекий ответный крик совы. Притаившись за деревом, мальчики ждали, что будет дальше.

Опушка была покрыта ярким цветочным ковром. Высокие темно-желтые лютики, прямые кисти бледно-желтого борца, белая гвоздика, светло-голубые лесные колокольчики – все это, цветущее и переливающееся под ослепительными лучами солнца, было таким мирным, таким радостным, добрым, что Мише вдруг показались нелепыми все его подозрения. И ему казалось, что если он сейчас подойдет к лодочнику, то тот будет с ним мирно разговаривать, как всегда улыбаясь своей насмешливой, довольно неприятной, но, в общем, ничего не значащей улыбкой... Но это чувство безмятежного доверия угасло так же быстро, как зародилось... Из леса опять, но уже совсем близко, раздался крик совы...

Лодочник встал, прошелся по берегу и, убедившись, что никого вокруг нет, обернулся к лесу и сделал рукой жест, подзывая того, кто скрывался за деревьями.

Из леса вышли два парня с заспанными лицами, одетые в зимнюю крестьянскую одежду; на одном был рваный полушубок, на другом – длинный вытертый зипун; оба в помятых солдатских шапках.

Парни перетащили мешки в лес. Лодочник что-то им сказал.

Парни ничего не ответили. И, уже сидя на веслах, лодочник опять что-то сказал. Но ветер отнес его слова в сторону.

Как только лодочник сел в лодку, Миша сообразил, что надо покидать убежище. Мальчики быстро поплыли назад. Отойдя с полкилометра, они развернулись и медленно поплыли навстречу лодочнику с таким видом, будто они просто катаются по реке. Даже бинокль Миша запрятал под сиденье.

И, как только они развернулись, показался лодочник. Он греб медленно, сильно откидываясь назад, и когда наклонялся, то сквозь рубашку было видно, как сжимаются и разжимаются его острые лопатки...

Он оглянулся на шум весел ребячьей лодки и перестал грести. Его лодка, покачиваясь на воде, медленно поворачивалась и, когда ребята поравнялись с ней, она уже стояла посередине реки, загораживая проезд. Чтобы не зацепить ее веслами, мальчики тоже перестали грести. Наклонив голову, лодочник исподлобья оглядел мальчиков и, неожиданно улыбнувшись, спросил:

– Далеко плывете, товарищи?

Он улыбался одним ртом. Концы его маленьких острых усов при этом хищно топорщились кверху, а холодные голубые глаза пристально и недоверчиво смотрели на мальчиков. Эта улыбка лодочника и раньше коробила Мишу, а сейчас была особенно неприятна.

– Так, плывем, – спокойно ответил Миша.

Лодочник по-прежнему улыбался. Но рука его уже лежала на борту ребячьей лодки, и он медленно подтягивал ее к себе.

Миша понял, что он тянется к цепи, и крепко прижал ее ногой.

Продолжая улыбаться, лодочник обвел оценивающим взглядом ребят. Перед ним сидели четыре здоровых и, в сущности, уже взрослых парня. По его лицу было видно, что он обдумывает, как ему поступить. Потом он сказал:

– И Жердьяй с вами?

Миша ничего не ответил. Минуту продолжалось молчание.

Лодочник крепко держал лодку за нос. Потом опять сказал:

– Знакомая лодка.

– Да, – ответил Миша, – это лодка Кондратия Степановича.

– Вот как? – недоверчиво усмехнулся лодочник, ухватив наконец рукой металлическое кольцо, к которому была приторочена цепь. – Значит, Кондратия Степановича? – переспросил лодочник, и Миша почувствовал ногой, что лодочник потихоньку дергает цепь.

Но Миша крепко держал ее.

– Да, Кондратия Степановича, – повторил Миша, не понимая, к чему клонит лодочник.

– Интересно, – насмешливо протянул лодочник. – А ведь Кондратий Степанович сегодня утром уехал на рыбалку. И на своей лодке. Я сам его видел.

Миша, конечно, мог бы напомнить, кого лодочник в действительности видел сегодня утром. Но этого делать было нельзя, и Миша сказал:

– Не знаю, кого вы видели, но Кондратий Степанович разрешил нам взять лодку.

По-прежнему улыбаясь, лодочник покачал головой:

– Так, так... Некрасиво, товарищи, некрасиво... А еще комсомольцы...

Он опять потянул цепь, но Миша крепко держал ее ногой.

– Что некрасиво? – нахмурился Миша. – Что вы нас стыдите?

– Лгать нехорошо, – укоризненно сказал лодочник. – Нехорошо покрывать преступников... Ведь я знаю, чья это лодка...

– Чья же? – усмехнулся Миша.

– Это лодка Кузьмина, которого вчера здесь убили. А убил его брат. – Лодочник показал на Жердья. – Эту лодку милиция разыскивает, а вы ее прячете... Нехорошо. Очень нехорошо.

Перед таким нелепым обвинением Миша растерялся и забыл про цепь. В ту же секунду лодочник изо всех сил дернул ее. Миша упал. Падая, он попытался рукой схватить цепь, но опоздал. Усмехаясь, лодочник накинул ее на крюк, который торчал на корме его лодки, и тут же оттолкнулся. Цепь натянулась. Мальчики могли достать ее теперь, только перебравшись в лодку к Дмитрию Петровичу.

– Нехорошо, нехорошо, – нагло улыбаясь, повторил лодочник. – Жердьяй хочет брата выручить – понимаю, а вам, комсомольцам, не к лицу. Придется, дорогие друзья, вернуться в деревню, придется!

Дрожа от возмущения, Миша закричал:

– Какое вы имеете право?

– Каждый должен помогать правосудию, – издеваясь, ответил лодочник.

Между тем, как ни слабо было течение, оно относило обе лодки к берегу.

Этого Миша опасался больше всего. Если Дмитрию Петровичу удастся задержать их лодку на берегу, то он сможет каким-либо образом вызвать из леса своих парней, и тогда мальчики будут бессильны перед ними. Значит, нельзя терять ни секунды...

Лодки уперлись в берег. Миша вскочил на нос:

– Сейчас же отпустите, слышите!

– Рад бы, да не могу, – рассмеялся лодочник.

Он не успел договорить – Миша перепрыгнул в его лодку и схватил цепь.

– Не трогать! – заорал лодочник и вскочил, высоко подняв в руках весло.

Но Миша одним движением сорвал цепь с крюка и перебросил ее в свою лодку. Потом он выпрямился:

– Ударьте! Попробуйте!

Дмитрий Петрович стоял, высоко подняв весло, с бледным, искаженным от бешенства лицом. Он ударил бы Мишу, но Генка и Славка уже карабкались в его лодку. Генка так навалился всем телом на борт, что лодка накренилась... Лодочник покачнулся и закричал:

– Не лезь, сволочь!

Он наклонился к Генке, пытаясь достать его веслом, и в ту же секунду Славка, тихий, стеснительный Славка, схватил с другой стороны лодочника за ноги и рванул к себе. Дмитрий Петрович полетел в воду.

– Назад! – крикнул Миша.

Мальчики поспешно вскарабкались в свою лодку. Изрыгая проклятья, Дмитрий Петрович метнулся за ними. На него испуганно смотрел сжавшийся и ошалевший от страха Жердьяй.

– Гребите! – завопил Миша.

Генка и Славка, торопливо сталкиваясь веслами, начали грести. Дмитрий Петрович был уже совсем близко. Он дернулся к корме, но промахнулся. Генка и Славка ударили веслами один раз, другой... Набирая скорость, лодка понеслась по реке. Расстояние между ней и лодочником все увеличивалось... Дмитрий Петрович постоял некоторое время, повернулся и пошел к берегу...

Лодка неслась все быстрее... Поворот... За ним другой... Вот и дерево, под которым они прятались... Вот и два белых камня... Еще поворот... И они выплыли на прямой, длинный отрезок реки, уходящий в сторону от леса. Здесь их лодочник уже не догонит.

Глава 18

В чем дело

И все же мальчишки продолжали грести изо всех сил, тяжело дыша и оглядываясь назад. Им казалось, что сейчас из-за поворота опять появится лодочник. И не один, а с парнями, которых он оставил в лесу...

Но страх, который вначале придал Генке и Славке силы, начал проходить. Они вдруг почувствовали себя совершенно изможденными и объявили, что не в состоянии больше грести. Миша и Жердй сменили их.

Очутившись на корме, Генка, с дружелюбной насмешливостью поглядывая на Славку, сказал:

– Славка-то, а? Как лодочника дернул!.. Вот уж от кого не ожидал!

Никто ему не ответил.

– А вот Жердйчик наш перепугался, – продолжал Генка. – Прямо душа в пятки ушла...

Жердй покраснел:

– Вам-то что? Уехали в Москву, и всё, а мне с матерью здесь оставаться.

– Ну и что?

– А то, что зарежут они нас, вот что! – убежденно ответил Жердй.

– Так уж и зарежут... – усмехнулся Генка.

– А ты думаешь... Тут тебе не Москва. Зарежут, и всё. Не первый случай.

– Кто – они и кого они зарезали? – спросил Миша.

Но в ответ Жердй только засопел и еще старательнее стал грести.

Сидевший на носу Славка сказал:

– Все же непонятно, почему лодочник к нам пристал. Неужели он действительно думал, что мы на лодке убитого Кузьмина?

– Эх ты, святая простота! – закричал Генка. – Разве он не может лодки отличить?..

– У Кузьмина однопарка, а эта двухпарка. Другой двухпарки у нас в деревне нет, – сказал Жердй.

– Вот видишь! – подхватил Генка. – Нет, тут дело в другом.

– В чем же?

– Он боялся, что мы в лес пойдем и увидим этих парней и мешки. Вот чего он боялся.

Недаром мне лодочная станция казалась такой подозрительной.

– Правильно, только при одном условии, – сказал Славка.

– При каком?

– При том, что в мешках есть что-то тайное.

Генка трагически воздел руки к небу:

– Невыносимо! Налицо банда, а ты сомневаешься! Нас только что хотели утопить, а тебе кажется, что ничего не произошло. Что ты за человек, не понимаю!

– Какие теперь банды? – сказал Славка.

– Видали его! – закричал Генка. – «Какие банды»! Самые настоящие, бандитские! И Кузьмина они убили, это уж определенно!

Жердй перестал грести и испуганно смотрел на Генку.

– Почему ты решил, что они убили Кузьмина? – спросил Славка.

– А кто? Его брат? – Генка кивнул на Жердья. – Скажи, Жердй, убивал твой брат Кузьмина?

– Не убивал он, – проговорил Жердй, снова начиная грести.

– А кто убил?

– Не знаю.

– А я знаю, – упрямо повторил Генка, – они и убили.

Миша не вмешивался в разговор. Все только что происшедшее казалось ему диким, невероятным...

Конечно, насчет лодки Кузьмина Дмитрий Петрович выдумал – это лишь предлог, чтобы задержать их. Уж кто-кто, а он знает каждую лодку в деревне... Тогда в чем же дело? Из-за парней? Вряд ли... Парни уже давным-давно скрылись в лесу. А вот к убийству Кузьмина это может иметь прямое отношение. По лицу лодочника видно, что он убийца. Увидел Жердя в лодке и испугался, что Жердяй доискивается настоящего виновника. Вот и хотел их повернуть обратно, чтобы они не напали на настоящий след...

А вдруг... Миша даже похолодел. А вдруг это связано не только с убийством Кузьмина, но и с исчезновением Игоря и Севы? Может быть, с ними что-то случилось? И именно поэтому лодочник не хотел их пропускать вперед... Может быть, Игорь и Сева оказались случайно свидетелями убийства или набрели в лесу на парней и те их убили, боясь разоблачения... Все может случиться в такое беспокойное время. В деревне идет борьба. То здесь, то там убивают то селькора, то сельского активиста... Мало ли в какую переделку могли попасть ребята... Что же делать? Ведь ребята ему доверены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.